

Шутка мертвого капитана

Автор:

[Питер Марвел](#)

Шутка мертвого капитана

Питер Марвел

На пиратских широтах #2

В конце 16 века стало ясно, что великим европейским державам слишком тесно на континенте. Тогда-то и началась настоящая война за метрополии в Атлантике. Волей судьбы Карибские острова оказались на пути «дороги золота и пряностей» и стали приютом для негодяев всего мира: пиратов, корсаров, рейдеров и флибустьеров.

Обладая картой пропавших сокровищ сэра Уолтера Рэли, Уильям Харт и Фрэнсис Кроуфорд отправляются на их поиски.

По пятам за ними идут французские шпионы, иезуиты и шайка пиратов Черного Пастора. Казалось, они так близки к цели...

Питер Марвел

Шутка мертвого капитана

Доверчиво времени отдаем мы в залог,

Юность и радость, и все, что имеем,

И оно отплатить дает нам зарок,

Но платит с годами лишь прахом и тленьем;

И тьмою, и тишью могил замыкаем
Все наши пути, по которым блуждаем.
Но волен Господь и из праха земного
По вере моей воскресить меня снова.

Сэр Уолтер Рэли, капитан гвардии Ее Величества королевы Англии Елизаветы I
Пер. Д. Болотиной

Жану де Габриэлю, хозяину заведения «Таверна Питера Питта», вдохновившему
меня своим ромом и побасенками на создание этой книги посвящается.

Питер Марвел

Да, я люблю.

Коснуться этих слов?

Да это значит —

по лезвию губами прочертить,
где вместо звуков льются поцелуи,
мешаясь с кровью на моих губах.

Фрэнсис Кроуфорд

Глава 1

Вахта Дианы

Моральному выводу не нужно особо отведенных

строк, ибо он занимает столько же места,

сколько и вся сказка.

Англия. Тауэр. 1618 год

Odor rosarum manet in manu estiam Rosa submot[1 - Даже если роза отброшена, запах розы остается в руке (лат.).].

Луна висела над городом, и ни единой звезды не было в ночном небе. Шел пятый час пополуночи – вахта Дианы[2 - Вахта – вид дежурства на кораблях военно-морского и торгового флота, которое несется постоянно при нахождении корабля в море на ходу, при стоянке на якоре или у стенки (причала, пирса) на швартовых.], или королевская вахта, или, если угодно, собачья, – кому как нравится. Как и прежде, в Испанском озере[3 - Так на морском жаргоне называлось в старину Карибское море.] или у дверей спальни Ее Величества, капитан предпочитал нести ее сам.

Черное и белое, свет и тьма. На одном из своих портретов он велел подрисовать в углу острый серп полумесяца – этого солнца мертвых, что явился символом долгого царствования рыжей Бесс. Сегодня он видит его в последний раз, как в последний раз несет свою сорокалетнюю стражу при луне. Что ж, все, чего он в жизни не совершил, он не совершил по своей собственной воле – много ли его друзей могут похвастаться тем же?

Сэр Уолтер Рэли смотрел в забранное решеткой стрельчатое окно камеры и улыбался.

Когда огненно-красный плащ захудалого дворянина упал в грязь перед королевой, кто мог предположить, что единственная новая вещь в гардеробе никому не известного офицера ляжет в основу могущества всесильного фаворита королевы-девственницы?

Ему не нужна вечность. Вечная жизнь – это вечная память, это вечное повторение того, что, будь его воля, он бы никогда не совершил. Например, он никогда бы не купил этого алого расшитого золотом плаща.

Слишком много красного – это всегда плохо. Черные флаги Армады были куда милосерднее красных полотнищ его соратников по оружию. Черный – это скорбь, а в скорби всегда есть место состраданию. Красный – это кровь. Когда его корабли поднимали на мачтах красные флаги, это означало, что они шли проливать влагу, в которой дымилась жизнь, быстро остужаемая норд-остом. Лаская рыжие кудри Ее Величества, Рэли мнил, что на самом деле есть всего два цвета: черный и белый, а все остальные оттенки лишь идиотская попытка уйти от истины, не впадая в ложь, – как будто это возможно.

Тянуло холодом и пресной сыростью с Темзы, огарок свечи на грубо сработанном дощатом столе едва освещал угол географической карты, начертанной уверенной рукой мастера, да пару лимонов на треснувшем фаянсовом блюде. По распоряжению короля Якова в камере было запрещено иметь металлические предметы, поэтому даже ножи у него были костяные – те, которые он сам привез с берегов Новой Гвианы. На жесткой постели валяются книги, кiset, расшитый Елизаветой, нет, не Лунной девой, а его женой, Елизаветой Трогмонтон, леди Рэли, да еще вчерашняя несвежая рубаха и исписанные твердым почерком листы бумаги.

Бедная жена! Наконец-то она сможет владеть им безраздельно. Совсем как он написал когда-то, тоскуя по ней в капитанской каюте давно сгнившего на старых верфях корабля:

Но настоящая любовь —

Неугасимый свет,

Сильнее смерти и борьбы,

Сильней всех лет[4 - Перевод Г. Кружкова.].

Он очень устал от жизни и от любви. Он пережил всех своих соперников, он побывал на краю света и вернулся оттуда всего лишь с кровоточащими от цинги деснами и желтой лихорадкой. Он видел смерть своего сына и узнал ничтожность своих мечтаний. Если не сегодня, то завтра, не завтра, так через неделю его казнят – это такие пустяки по сравнению с тем, что нынче король губит Англию.

Рэли потер переносицу и вздохнул. Он не будет помогать королю, впрочем, как и не станет устраивать заговоры.

Роза Тюдоров увяла. И та, от которой он так устал, которой служил, именем которой называл открытые земли, больше никогда не сможет ему помешать. Он пережил и ее. Пусть на его шею опустится топор, он успеет начать последнюю авантюру. Карта – вот то важное дело, которое он обязан завершить, прежде чем жизнь покинет его тело, а душа вылетит на свободу из обезглавленного трупа.

Рэли потянул затекшие от долгого стояния мышцы и вернулся к столу. Сдвинув в сторону недописанные листы со вторым томом «Всеобщей истории» и склянку с чернилами, он обмакнул обкусанное гусиное перо в блюдечко с терпко пахнущим соком.

Его последняя шутка будет самой забавной, а наследником станет не ненавистный Яков, не его младший сын Кэрю, а тот, кто сравняется умом и отвагой с последним из капитанов. И ему наплевать, кто это будет.

Рыцарь Рэли пришел из ниоткуда, швырнув под ноги гордой Диане свою судьбу, и уходит в никуда, оставив на память английскому народу свою репутацию. Да в придачу к ней картофельные клумбы, табачные трубки в зубах матросов и пристрастие к лимонам при дворе.

Прежде чем нанести на бумагу первые линии, моряк задумчиво прошептал строки, услышанные когда-то в таверне под вывеской, изображавшей полногрудую красотку с рыбьим хвостом, где собиралось Достопочтенное Братство джентльменов Морской девы:

Окончен праздник. В этом представленьи

Актерами, сказал я, были духи.

И в воздухе, и в воздухе прозрачном,

Свершив свой труд, растаяли они.

Вот так, подобно призракам без плоти,

Когда-нибудь растают, словно дым,

И тучами увенчанные горы,

Глава 2

Охота в разгаре

Эспаньола

Уильям Харт выглянул из-под полога наскоро сложенной из бамбуковых стволов хижины и понял, что их опять ожидают два пренеприятных сюрприза. Один сюрприз клубился над вершинами скал: набухшие дождем фиолетовые тучи, как нарочно, стягивались к тому месту, где Харт с товарищами устроили привал. Не пройдет и часа, как разразится такой ливень, от которого все вокруг – даже острые обломки камней – пропитается водой. Харт еще не успел просохнуть после вчерашнего ливня, и перспектива снова встретиться с водной стихией его совсем не обрадовала.

Но куда больше озадачил его второй сюрприз, по сравнению с которым даже тропический ливень казался приятной неожиданностью. С небольшой площадки на уступе скалы, где они раскинули свой бивак, было очень хорошо видно, как далеко внизу, по вьющейся между камнями и низкорослым кустарником тропе осторожно поднимаются около дюжины мужчин. Они шли явно не на охоту за свиньями или быками. В качестве дичи им служили Харт и его спутники, которые сейчас мирно почивали на жестких побегах асаий. Следовало признать, что у голландцев и французов – а это были именно они – имелся резон быть недовольными своими зарвавшимися соперниками. Уильям Харт это отлично понимал, но сдаваться на милость преследователям отнюдь не собирался. Невзгоды последних месяцев закалили его характер и сделали куда более толстокожим по отношению к уколам судьбы. Он теперь все время слышал самый важный параграф из Кодекса Берегового Братства: заботиться о себе нужно в первую очередь, потому что больше никто заботиться о тебе не станет. Потрошитель часто повторял эту нехитрую заповедь, подгоняя отставших и заставляя подниматься тех, кто больше не мог идти. «Так устроен мир, приятель, и с этим ничего не поделаешь, – говорил он, тыкая острием ножа под ребра отчаявшимся. – Если ты забудешь об этом, то вряд ли дойдешь до конца».

Но даже это нехитрое пиратское правило Харт не желал принимать без поправок. Шагая по колена в болотной жиже, карабкаясь по острым скалам или падая без сил на землю, Уильям упрямо твердил про себя: «Господи, дай мне силы сделать то, что я должен, отними у меня возможность совершить постыдное и дай мне мудрость отличить первое от второго».

Сейчас же, проснувшись от едкого укуса какого-то насекомого, Харт обнаружил, что часовые сладко спят, уткнувшись носами в грязные колени. Уильяму стало жаль незадачливых сторожей: Потрошитель под злую руку запросто мог дать им в зубы, а то и выпустить кишки.

Посему Харт потряс за плечо одного из них и, когда Боб в панике дернулся, хватаясь за кремневый пистолет, приложил палец к губам.

– Тсс, тихо, – прошептал он. – Вы проспали врагов.

Пират вскочил и во всю мощь своих легких заорал было полундру, но Уильям быстро зажал ему рот рукой.

В то же мгновение они услышали за спиной шорох и дружно обернулись. Из шалаша выполз Кроуфорд и, судорожно подавляя зевок, огляделся. В ногах у него путалась крошечная кудлатая собачонка. Кроуфорд по-прежнему не расставался с Хароном, несмотря на неудобства, которые эта тварь всем приносила.

Вот и сейчас Уильям сдержал язвительное замечание, которое так и норовило сорваться с его уст, и просто поманил Кроуфорда пальцем и указал вниз на тропу.

Кроуфорд, с выступившей на щеках щетиной, не до конца просохший и злой, посмотрел на приближающийся отряд и выругался:

– Проклятье! Эти французы, науськиваемые неугомонным Абрабанелем, – упрямые ребята! Я надеялся, что они оставили нас наконец в покое. Есть же у них карта, что им еще от нас нужно? Видно, в сезон дождей у них принято гоняться за англичанами. Надо поинтересоваться у твоего чертова лекаришки Амбулена, нет ли у него какой микстуры от соотечественников. Ба-а, да это же наши часовые все проспали! Ну, сейчас выползет на свет Божий Джек, он им

распишет географию на спинах.

– Пока вы будете наводить порядок, Кроуфорд, – заметил Уильям, – нас схватят и поджарят как куропаток. Эти искатели сокровищ очень на нас сердиты.

– За что?! – искренне удивился Кроуфорд. – Мы «ад хонорес», так сказать, то бишь совершенно безвозмездно, отдали им карту, оставили, можно сказать, в залог замечательное судно, а теперь развлекаем их, как можем, гоняя по гилее, как мартышек. Все-таки люди – самые неблагодарные создания.

В ту же секунду задом вперед из шалаша выпал Потрошитель.

Быстро оглядев компанию, он мрачно сплюнул и повернулся к часовым.

– Проспали, значит, вахту, ребятки?! – угрожающе произнес он и с размаху двинул в зубы Джону, тому самому пирату, рожу которого пересекал страшный сабельный рубец.

Тот схватился за лицо, и сквозь пальцы его немедленно проступила кровь. Потрошитель повернулся ко второму:

– Мы на суше, браток, и у меня нет времени следовать Кодексу. Считаю, что получил сухим пайком причитающиеся тебе по закону Моисееву сорок ударов плетью по голой заднице, – закончив, Потрошитель вполсилы врезал матросу в ухо и вытер руку о штаны. – Подберите сопли, джентльмены. Сдается мне, что скоро нам будет так жарко, что наши рубахи наконец-то просохнут.

Кроуфорд не обращал на дисциплинарные взыскания Потрошителя ни малейшего внимания. Облокотившись о большой валун, он внимательно обзирал ползущий в гору отряд.

– Итак, половина из них с пистолетами, – констатировал он немного погодя. – Причем пистолетов у них в два раза больше. Значит, одни будут заряжать, другие – стрелять. Они не хотят терять время. Отлично! Кроме того, у каждого по два кремневых пистолета за поясом. Ну и, разумеется, сабли. Не очень мне нравятся их физиономии: благородных людей среди них, кажется, немного. Увы, дуэльный кодекс сейчас вряд ли пригодится. Придется довольствоваться теми

обычаями, которые здесь в ходу. В конце концов, это и нам развяжет руки. Мы должны разделаться с этой компанией – она становится слишком докучливой.

– Как мы можем разделаться с ними? Их в два раза больше, и они лучше вооружены. Все наши припасы или истрачены, или подмокли. Нам нужно поскорее уносить отсюда ноги.

– Возможно, Уильям, за поворотом нас ждет неприятный сюрприз, – возразил Кроуфорд, повторяя вслух невысказанную мысль Харта. – Засыпанная обвалом дорога или что-нибудь еще похуже. Нам придется искать обходную тропу, терять время... Нет, мы должны принять бой. Эй, просыпайтесь! Хватит дрыхнуть, потроха собачьи! Шевалье Амбулен! Ваши соотечественники жаждут покороче познакомиться с вами! Капитан Ивлин, французские каторжники вызывают вас на бой, который я не рискну назвать сухопутным, потому что вот-вот разверзнутся хляби небесные и мы поплывем в объятия друг другу... Поднимайтесь, пока противник не намотал вам на уши офицерские шарфы!

Его пламенная речь возымела действие, и из-под навеса высунулись две недовольные физиономии: красная, с топорным подбородком, принадлежала капитану Ивлину, молодая, с бородкой и усиками *a la roi* [б - «А ля руа» – по-королевски (франц.)], – Роберу Амбулену. И тот и другой не менее остальных страдали от высокой влажности, поэтому на них наибольшее впечатление произвела та часть речи, где говорилось о грядущем потопе. Едва выглянув из своего убежища, оба первым делом уставились на небо и хором простонали:

– Опять дождь?!

– До дождя вы можете и не дожидаться, – отрезал Кроуфорд, – если не начнете шевелиться. Посмотрите вниз. Через четверть часа здесь будут неприятные и злые люди. Они никак не могут забыть нашей небольшую шалость, которую мы позволили себе на пристани Тортуги. Такая злопамятность наводит меня на мысль, что мы совершенно напрасно доверили им карту. Это никак не повлияло на отношение к нам. Одним словом, мы должны устроить нашим друзьям достойную встречу. Кто-нибудь, бросьте сапог так, чтобы он высовывался из шалаша. Пусть думают, что мы все еще пребываем в объятиях Морфея... Потрошитель, затаись с ребятами в камнях. Кстати, нашу единственную лошадку нужно привязать поближе: вид мирно пасущейся лошади ласкает взор и умиротворяет сердце. Узрев такую пастораль, французы не заподозрят подвоха. Тем временем мы с Уильямом, как люди нехорошие и изощренные в

коварстве, поднимемся вот на этот уступ, где, по-моему, не слишком крепко сидят некоторые камни.

Вы же, – тут Кроуфорд с поклоном обратился к шевалье и капитану, – как натуры прямые и отважные, спрячетесь на время за кустами неподалеку. Будьте в арьергарде или в засаде – как вам больше понравится. Однако держите пистолеты и шпаги наготове. Когда потребуется ваша помощь, вы не должны терять ни секунды, понимаете?

– А что мы будем делать на этой круче? – с подозрением спросил Уильям, задирая голову и рассматривая скалу, про которую говорил Кроуфорд.

– Как только французы будут здесь, мы низвергнем на их головы град и жупел, – усмехнулся Кроуфорд. – Они, разумеется, сразу же решат атаковать наш аскетичный приют, а мы с тобой обрушим на них сверху несколько камней покрупнее. Когда же они отвлекутся на эту лавину, на них пойдут Потрошитель с ребятами, да и доктор с капитаном заодно. Завяжется бой, и тут уж мы спрыгнем вниз и тоже вздуем мерзавцев.

– Высоковато прыгать, – с сомнением пробормотал Уильям. – Как бы шею не свернуть.

– Чтобы не свернуть шею себе, старайся прыгать на шею французу, – глубокомысленно изрек Кроуфорд. – А теперь – все по местам! И не забудьте про сапог! Он должен высываться наружу как можно естественнее – в этом самая изюминка!

Подействовала ли близость опасности или решительный тон Кроуфорд, но, выслушав его, отряд преобразился. Разобрав пистолеты с заведомо сухими зарядами, все бросились выполнять приказание и занимать позиции. У порога Потрошитель выложил приманку в виде сапога, Джон, хлюпая кровавыми пузырями, привел лошадь и привязал возле хижины, Амбулен с Ивлином попрыгали в густые кусты и затаились там. Кроуфорд со шпагой в руке ловко принялся скакать по камням, взбираясь на гребень скалы, нависавший над горной дорогой. Уильяму было не по душе такое занятие, но ударить лицом в грязь перед старшим другом он не мог. Через две-три минуты они оба, ободренные, запыхавшиеся, но довольные, залегли на вершине среди острых каменных обломков, каждый из которых был весом не менее полутора сотен

фунтов. Теперь оставалось дожидаться гостей.

Сверху Уильяму было отлично видно поросшую зеленью площадку, на которой стояла их хижина и паслась уцелевшая лошадь. В нависавших над самым обрывом кустах можно было различить две распластавшиеся на земле фигуры: Амбулен и Ивлин ждали своего часа. Противная собачонка спряталась где-то внутри хижины. Уильям представил себе, как будет выглядеть прыжок с того места, где он сейчас находился, и ему стало дурно: казалось, что, исполнив задание, он наверняка разобьется в лепешку. Уильям покосился на своего спутника. Лицо Кроуфорда выглядело сосредоточенным и одновременно безмятежным.

«Он-то наверняка спрыгнет, – подумалось Уильяму, – даже глазом не моргнет. Такое впечатление, будто этот человек играет со своей жизнью, развлекаясь этим от души, и чем непредсказуемее результат, тем сильнее затягивает его игра». Это могло бы показаться даже забавным, коли в сей водоворот не были бы втянуты другие жизни. Если дальнейшие поиски сокровищ будут проходить в такой же манере, то не сносить им головы. Слишком много желающих получить их в трофей: французы под предводительством таинственной незнакомки, разъяренный Черный Билл со своей кровожадной командой и лисица Абрабанель, с которым судьба постоянно сталкивает Уильяма.

Вспомнив про банкира, Уильям вздохнул и невольно дотронулся до драгоценного мощевика, подаренного ему дочерью коадьютора. Неужели Элейна тоже высадилась на Эспаньолу? Представить ее карабкающейся по скалам или пробирающейся сквозь ядовитые болота было невозможно, но вот ее папенька... Ради золота он на карачках приползет туда, куда и редкая птица долетит. Уильям украдкой бросил взгляд на лежавшего плечом к плечу с ним капитана. Его прищуренный глаз уверенно смотрел вниз, на горную тропу, губы кривила презрительная усмешка, словно он был уверен в том, что никто, кроме него, не доберется до клада. Только сейчас Уильям начинал как следует понимать Кроуфорда: почему тот, имея карту несметных сокровищ, до сих пор даже не попытался их найти. В каком-то смысле тот поступал даже мудро: без тщательно подготовленной экспедиции, без верных помощников заниматься поисками сокровищ было бессмысленно.

– Ты заснул, что ли? – раздался слева звенящий шепот, и Уильям невольно вздрогнул.

Опустив голову вслед за пальцем Кроуфорда, он посмотрел вниз на дорогу. Отряд французов окружил их бивак.

Один из солдат как раз тянулся кончиком обнаженной сабли к торчащему из-под веток сапогу, как Кроуфорд негромко скомандовал:

– Пора! – и навалился на большой камень, едва держащийся на краю уступа.

Уильям помог ему, и камень, издав глухой скрежет, стремительно полетел вниз. Но прежде чем он рухнул, они спихнули ему вдогонку еще несколько обломков поменьше.

Огромный кусок известняковой скалы обрушился на ближайшего к ним солдата, сбил его с ног, как деревянную кеглю, и придавил второму ногу. Следующий камень упал еще удачнее – прямо на шляпу капрала, прикончив его на месте.

– Вперед! – заорал Кроуфорд и прыгнул вниз.

Уильям закрыл глаза и сиганул следом. Воздух просвистел у него в ушах, дыхание перехватило, и он упал на кого-то, инстинктивно вцепившись в него руками и увлекая за собой на землю.

Открыв глаза, Уильям обнаружил, что Кроуфорд как ни в чем не бывало целится из пистолета в опешившего от неожиданности француза. Грохнул выстрел, и несчастный, обливаясь кровью, упал на тропу.

Едва рассеялся пороховой дым, как из кустов с дикими воплями выскочили Амбулен и капитан Ивлин. Они одновременно выпалили из своих пистолетов и бросились вперед, извлекая шпаги из ножен. Испуганная лошадь поднялась на дыбы, оборвала ветку и помчалась куда-то вниз по склону. За ней, подсакивая, побежали мелкие камни. Потрошитель и двое пиратов прыгали на нападавших сзади и, верные своей тактике, перерезали им глотки.

Вскоре все было кончено. Около шалаша в беспорядке валялись сраженные свинцом и сталью французы. Двое из них еще подавали признаки жизни: у одного была перебита камнем нога, а второму Уильям, кажется, сломал позвоночник, спрыгнув на него со скалы. Раненый дико кричал, и всем было

ясно, что часы его сочтены. Испытывая священный ужас и отвращение к самому себе, Уильям отполз в сторону от изувеченного им человека и поднялся на ноги.

Кроуфорд, морщась от пыли и грязи, обзревал поле боя, одновременно пряча пистолет за кушак. Короткая стычка принесла им победу и временную передышку. Единственный уцелевший француз озирался по сторонам с животным страхом и лепетал, умоляюще протягивая к нему руки:

– Пощадите, я вам пригожусь, я узнал...

Кроуфорд прищурил глаза и шагнул к французу. В тот же момент из груди несчастного вдруг брызнул фонтанчик крови, и следом из маленькой дырочки выглянуло стальное жало. Пленник выгнулся дугой, из груди его ударила тугая багровая струя, он захрипел, словно силясь что-то сказать, но изо рта его вырывались лишь кровавые пузыри. Он взмахнул руками, как будто пытаясь взлететь, и мешком рухнул на землю лицом вниз. Робер Амбулен перешагнул через еще дергающееся на земле тело и принялся вытирать шпагу о грязный платок. Вокруг убитого им человека медленно расплывалась темная густая влага, которая быстро смешивалась с утоптанной каменной крошкой. Сейчас же позади раздался другой стон, и, быстро обернувшись, Уильям увидел, как Потрошитель вынимает окровавленный нож из груди французского солдата со сломанным позвоночником.

– Вот тебе и мизерикордия[7 - «Милосердие» – так в давние времена назывался кинжал, которым добивали проигравшего схватку противника.], – пробормотал Кроуфорд, и на красивом лице его мелькнуло отвращение.

Джон, хлюпая разбитым носом, увлеченно обшаривал карманы добитого им солдата со сломанной ногой. Живых врагов на дороге больше не было.

Уильям ринулся к Амбулену. Он схватил Робера за обшлага кафтана и тряхнул его так, что тонкое сукно жалобно затрещало.

– Зачем ты это сделал?! – закричал Уильям ему в лицо. – Зачем ты убил его?! Он же просил пощады!

Амбулен слегка оттолкнул Харта свободной рукой и со спокойной улыбкой отступил назад, как бы ненароком выставив руку, в которой была зажата все

еще окровавленная шпага.

– Что с тобой? – удивленно вскинув брови, произнес он. – Ты, англичанин, заступаешься за француза? Не забывай, эти люди преследовали нас, чтобы убить.

– Мы победили и могли его пощадить! – с гневом сказал Уильям. – К чему нужно было брать на себя этот грех? Одно дело – убить человека в бою, а другое – в спину, так по...

Амбулен снова вскинул безупречную бровь и с усмешкой поглядел на Харта.

– Ну, договаривай, не стесняйся!

– Так подло зарезать, – твердо произнес Харт. – Как ты мог, Робер?

– Перестаньте ссориться, господа! – вмешался Кроуфорд. – Не будем восставать друг на друга из-за какого-то несчастного лягушатника! Я приношу свои извинения шевалье Амбулену, но его это определение, разумеется, не касается. Я лишь могу сожалеть, что не услышал тех слов, что начал произносить наш пленник.

При этих словах Кроуфорд метнул загадочный взгляд в сторону Амбулена. Тот перехватил его, пожал плечами и растерянно потер рукой свой тонкий длинный нос, на котором тут же оказались следы крови.

– Мне жаль, что я наделал столько шуму. Если бы я предвидел....

– Этого бедолагу действительно можно было отпустить.

– Вы забываете, что он видел наши лица и знает, по какой дороге мы движемся! – возразил Амбулен. – Мы не должны оставлять таких свидетелей! Это слишком дорого нам обойдется!

– Возможно, вы и правы, – сказал Кроуфорд, задумчиво глядя на француза. – Видел наши лица... Что ж, ваша предусмотрительность вызывает уважение. Хотя должен заметить, что нас видело предостаточное количество народу на Тортуге,

да и тропа здесь практически одна. Ну да ладно, это ваше дело. Обжегшись на молоке, дуют на воду. Не будем ссориться между собой из-за мертвого врага. Лучше уничтожим следы этого спектакля. Сбросим тела с обрыва, соберем оружие, а тропический ливень доделает остальное.

Действительно, едва они успели расчистить площадку от мертвецов, как хлынул давно ожидавшийся ливень, и маленькому отряду пришлось укрыться в хлипком шалаше. Своды его, выложенные из бамбуковых стволов, слабо защищали от потоков воды и порывов ветра. Когда дождь поутих, все оказались вымокшими до нитки и раздраженными до предела.

– Скоро у меня вода потечет даже из ушей! – пробормотал Амбулен, с отвращением выливая воду из сапог. – А в животе заведутся головастики.

– Тогда вам не придется гоняться за лягушками в поисках ужина, – меланхолично заметил капитан Ивлин и с грустью оглядел мокрое огниво.

– Такое количество воды хорошо для водоема, где разводят карпов, но для человека и дворянина это просто неприлично. Мы должны что-то придумать, – примиряюще улыбнулся Харт.

Пираты не сказали ничего, только зло хлюпнули носами, а Потрошитель, бросив выразительный взгляд на своего капитана, принялся задумчиво обстругивать бамбуковый колышек.

* * *

– Так ты говоришь, Джек, что индеец сбежал с «Медузы» в тот же день, когда мы с Хартом так неудачно нарвались на этого жида Абрабареля?

– Может, у меня и нет таких мозгов, как у всяких там образованных, кто просиживал штаны в университете, но даже мне понятно, что дело здесь нечисто, капитан, – Потрошитель тихо кашлянул в кулак и высморкался двумя пальцами, вытерев их о засаленные бархатные штаны. – Мы заперли его в трюме, беззащитного, как младенец в пеленках. И вот, когда вы приказали нам перебираться на кутер «Луи», мы хотели, как было уговорено, прихватить этого расписного молодца с собой. Джон спустился в трюм да как заорет: «Джек,

сюда, говнюк?то (простите, сэр, вы же знаете Джона!) исчез!»

Я, конечно, в сердцах огрел кошкой парочку ротозеев, но делу этим не поможешь! Так вот, сэр, клянусь своей матушкой, это французик его выпустил! Вы небось видали, как перемигивались они с этим ублюдком на испанском галеоне?

Кроуфорд вздрогнул и посмотрел в глаза Потрошителю. Но там не было ничего, кроме преданности своему жожаку и жажды убийства.

- Ты тоже заметил, Джек... Вот уж я не ожидал от тебя такой прыти.

- Мне этот индеец не глянулся еще на Мартинике, где вы подцепили его в таверне. Я с него глаз не сводил. Я так вам скажу, сэр: кто предал один раз, предаст и другой.

- Но галеон достался нам: индеец нас не обманул!

- Возьмите еще угля, капитан. Ваша трубка совсем потухла! - Потрошитель вытащил из костра тлеющую головешку и поднес ее к серебряной трубке капитана, после чего раскурил и свою, деревянную. - Может, он и не обманул нас с галеоном, Дик, только, значит, это ему самому надо было.

- Да, я так и понял. А что, Джек, выходит, лягушатник нечисто с нами играет?

- Выходит, так, сэр. А как ловко он заколол того французиску, что попал к нам в плен! Как куренка на вертел надел! Видать, больно хотел заткнуть ему глотку. Вот тот и поперхнулся собственной кровушкой, аж до пузырей!

Вспыхнувшая на мгновение трубка осветила улыбку Потрошителя.

- Так, Джек, слушай сюда. Я не верю никому, кроме этого сопливого щенка Харта. Так что приглядывай за всеми, особенно за Амбуленом. Если что - сам знаешь. Только чтоб не насмерть. И береги Харта.

- На что вам сдался этот птенчик, ума не приложу. Ну да у вас полно причуд, Дик. А насчет остального не беспокойтесь. Я умею сделать так, чтобы даже

самые упрямые языки сделались посговорчивее. Вы еще успеете с ними побеседовать по душам.

– Послушай меня, Джек, – Кроуфорд притянул Потрошителя к себе и прошептал ему прямо в спрятанное за жесткими седыми космами ухо: – Джек, я помню, что мы с тобой побратались, – после чего оттолкнул пирата и уже совсем другим голосом произнес: – Пора спать, Джек. Вот мы и отстояли свою вахту Дианы.

– Что-что, капитан?

– Собачья вахта подходит к концу, Джек.

* * *

До означенного на карте селения оставалось около четверти мили, как вдруг Уильям, шедший впереди, предостерегающе поднял руку. Мгновенно замерев, все стали всматриваться в серую мглу, опускавшуюся над равниной. Впереди по склону горы, немного ниже компании Кроуфорда, по направлению к тому же селению, что и они, двигались люди.

Это был довольно большой отряд – не менее сорока человек. По строгому порядку мерно шагающих людей можно было предположить, что это не просто вышедшие на прогулку местные плантаторы, а настоящий военный отряд. Во главе его ехал всадник на высокой гнедой лошади.

– Что это значит? – с тревогой спросил Уильям.

Кроуфорд поднес к глазу подзорную трубу и, нахмурившись, уставился на отряд. Вдруг губы его дрогнули, и, опустив трубу, он прошептал:

– А это вышел кто из-под земли?

– Дик, можно яснее? – Уильям не заметил, что стал называть Кроуфорда его пиратским прозвищем даже наедине.

– Можно и яснее. Там в седле женщина. Я не могу разглядеть ее лица. Но люди, которые с ней, без сомнения, солдаты. И мне кажется, что они с «Черной стрелы».

– Вы уверены? Вы думаете, это та самая женщина, которая перехватила карту у Черного Билла? Позвольте подзорную трубу, Дик!

Кроуфорд улыбнулся и передал ему трубу.

– Надеетесь различить черты прекрасной Элейны? Но уверяю вас, там всего одна женщина. Я не заметил там даже папаши-банкира.

– А я его вижу! – вскричал Уильям, буквально впиваясь взглядом в окуляр подзорной трубы. – Смотрите, это он! Видите, еще одна лошадь?

Действительно, в хвосте колонны появилось еще несколько лошадей. Ту, на которую обратил внимание Уильям, вернее было бы назвать мулом, потому что даже издали было видно, как недовольно это животное прядает своими длинноватыми ушами и насколько оно мало. На его спине уместился тучный господин, которого Уильям не мог не узнать даже издали. Безо всякого сомнения, это был коадьютор голландской Вест-Индской компании Давид Малатеста Абрабанель собственной персоной. Рядом с предполагаемым тестем на крепкой пятнистой кобыле ехал невозмутимый капитан Ван Дер Фельд. Уильям на секунду затаил дыхание, так как сладкая надежда коснулась его сердца. И она не обманула его. Из-за густого кустарника выступил еще один мул, которым управляла, сидя вполборота в высоком женском седле, мисс Элейна Абрабанель.

– Это она, она здесь! – радостно воскликнул Харт.

– Черт возьми, Уильям, дайте же трубу сюда! Нашли время разглядывать девочек, – Кроуфорд раздраженно вырвал инструмент из рук Харта и жадно уставился на отряд.

Но женщина на гнедом жеребце уже скрылась за ветвями деревьев, так что на его долю остались лишь мулы с драгоценным грузом на спине, которые неспешно двигались в окружении полудюжины крепких голландцев, оберегавших своего предводителя и его дочь от всяческих бед.

Кроуфорд опустил подозрную трубу и оглядел своих спутников. Если Уильям тщетно пытался скрыть нежданную радость, то на лице Ивлина явственно проступила такая ненависть к тем, кто смешал его доброе имя с грязью, что Кроуфорд тут же решил пересмотреть свое мнение о характере англичанина. Амбулен же совершенно безмятежно улыбался, вертя в руках затейливый цветок орхидеи, который он сорвал по пути, пока Потрошитель как-то совсем случайно держался у него за спиной, и изуродованная рука его, напоминающая клешню, лежала на рукояти ножа.

Но если бы Кроуфорд подержал у глаза подозрную трубу еще хотя бы на пару секунд подольше, ему многое стало бы ясно.

Вслед за голландцами на тропу бесшумно ступил Хуан Эстебано, одетый наполовину как индеец, наполовину как француз. Короткая суконная куртка, надетая прямо на голое тело, облекала его мускулистый торс, не скрывая пресловутой разноцветной татуировки в виде пернатого змея. На груди его на кожаных шнурах болтались большой медный крест, нож диковинной формы, похожий на змеиный зуб, и амулет, изображающий краснокожего сидящего на коленях дикаря с толстыми вывороченными губами и раздвоенным змеиным языком. Голову бывшего испанского доктора украшали вплетенные в косицу разноцветные перышки колибри и мелкие бусинки из осколков кварца. Индеец был бос, его короткие матросские штаны болтались на нем, как юбка, а в руке он нес просмоленный матросский сундучок. Как кошка, он скользил за отрядом, то ли напевая, то ли насвистывая себе что-то под нос.

Но Кроуфорд, занятый мыслями о женщине и отряде, поспешил опустить подозрную трубу, и индеец, о котором он совсем недавно вспоминал, остался им не замеченным.

Кроуфорд оглядел открывшийся перед ним чудесный вид на поросший пальмами и бамбуком склон горы, на подернутое легкой дымкой лазурное небо и причудливые узоры орхидей, чьи похожие на бороды корни прядями свисали с деревьев, втянул носом густой, насыщенный неизвестными ароматами, влажный воздух, прислушался к крикам и воплям птиц, чьи голоса доносились с вершущек пальм, и подумал о том, что на берегу Тортуги последняя стычка у них приключилась именно с голландцами, и удирали они сломя голову в первую очередь от них; и у тех шестерых, что следят сейчас за тем, чтобы Абрабанель не свалился с мула, наверняка имеются некоторые претензии к пиратам вообще

и к Кроуфорду лично. Французы не любят голландцев, это точно, но раз уж и те и другие заключили временный союз между собой, значит, теперь их совместная нелюбовь будет направлена на англичан и пиратов. Амбулен, конечно, не самый плохой француз, но он все-таки француз, и от этого недостатка ему никогда не избавиться. Да и что-то не нравились Кроуфорду его невинные глазки цвета берлинской лазури. А неприятнее всего было то, что французы натянули им нос и явились в селение немного раньше, лишив отряд Кроуфорда ночлега под крышей.

Похоже, эта простая мысль наконец-то дошла и до остальных.

– Вот дьявол! – мрачно сказал Амбулен, сдвигая шляпу на лоб. – Нас все-таки опередили! А я-то мечтал погреться сегодня ночью у очага!

– Благодарите Небо, если нам удастся набиться в постояльцы к какому-нибудь фермеру! – пробурчал капитан Ивлин. – Представляю, что сейчас творится в селении! Ваши соотечественники, месье Амбулен, сожрут все, что наготовили в таверне, да еще кинутся увиваться за девками!..

– Это маловероятно, – заметил Амбулен, доставая из украшенного эмалью футлярчика новую зубочистку. – Солдаты не станут ссориться с колонистами. Такая политика невыгодна королю. – И он задумчиво пожевал деревянную палочку. – Но ужин они сожрут, это точно. И займут все места на постоялом дворе, или что тут у них имеется. Нам негде будет даже лечь, не говоря уже о комнате с кроватью и умывальником...

– О чем вы говорите! Лечь в кровать! Как бы нам тут вообще не уснуть вечным сном! Вы забыли, КАК мы покидали Тортугу? Не удивлюсь, если губернатор издал приказ о нашей немедленной поимке. Иногда де Пуанси становится удивительным придирой. Лет пять назад он повесил одного благородного джентльмена только за то, что тот убил в честном поединке парочку французов. Правда, перед этим он устроил засаду на проселочной дороге и стрелял им в спину, но в остальном поединок был совершенно честным...

– Странное все-таки у англичан представление о юморе, заметил Амбулен. – И о чести, кстати, тоже.

– Наверняка у французов представление обо всем превосходное, – вдруг вмешался в ленивую перебранку Харт. – То-то вы убили ударом в спину своего соотечественника...

– Я действовал ради безопасности всех нас!

– Оно и видно!

– Тише, джентльмены, тише! Мы все расстроены плохой погодой и скверной едой, но это не повод для ссоры! Кстати, месье Робер, у вас нет никаких свежих мыслей по поводу нашего ночлега?

– Да нет у меня никаких мыслей! – раздраженно ответил Амбулен, отворачиваясь. – Не мог же я знать, что французы окажутся столь проворными, что опередят нас на полдня пути!

– Я думаю, мы должны послать кого-нибудь на разведку, – предложил Уильям. – Я бы и сам пошел, но разумнее сейчас поручить это Амбулену. Он француз, и его уж точно теперь никто не знает в лицо. Он спокойно переговорит с любым колонистом или солдатом и попытается узнать, что на уме у наших противников. А заодно Амбулен может попробовать договориться с кем-нибудь из местных о ночлеге. Честно говоря, больше всего на свете мне сейчас хочется съесть кусок жареной говядины и упасть на какую-нибудь подстилку, чтобы наконец отдохнуть, не опасаясь утонуть во сне.

Кроуфорд со странной грустью посмотрел на Уильяма и подумал, что всего месяц назад, окажись Харт в такой ситуации, он думал бы не о бифштексе и койке, а о том, как увидеть ту, в кого влюблен. Кроуфорд прикрыл воспаленные от постоянного недосыпания глаза и улыбнулся.

* * *

Когда Роджер оказался на палубе шхуны, которой заправлял Олонэ, ему была уготована грустная участь. Таких неумех, чудом уцелевших после удачного абордажа, либо скармливали акулам при нехватке пресной воды, либо продавали в рабство, если за них нельзя было получить выкуп. Те же, кого по странной прихоти судьбы отчего-то миновала эта участь, опускались на самую

низкую ступень пиратской Либерталии[8 - Либерталия – так называли пиратскую вольницу на Карибских островах, жившую по своим законам – пиратскому кодексу – и презиравшую любую официальную власть.]. Они становились шкертами[9 - Шкерт – тонкий и короткий отрезок, конец троса. Так на торговых и пиратских судах называли «прислугу за все» – неквалифицированных членов экипажа, которые зачастую в мужском обществе выполняли роль и уборщика, и посудомойки, и наложника. Сродни «опущенному» в современной тюремной иерархии.], или «придурками».

Когда ударом в зубы Роджера загнали на бак, где в полутьме и сырости ютилась команда, он еще не успел осознать, что его игре в благородного мстителя сейчас будет положен конец. Сплевывая кровь из разбитого рта, он затравленно прижимался спиной к ребрам выступающих из стены полусгнивших коек и с тоскливым ужасом оглядывал троих крепких мужчин. От их давно не мытых тел разило мочой и потом, их щербатые рты щерились в звериных оскалах. Вдруг один из них, которого Роджер про себя успел окрестить обезьяной, сделал шаг к нему и улыбнулся, обдав юношу невыносимой вонью гниющих зубов. В ту же секунду что-то пронзительно пискнуло, и краем глаза Роджер заметил крысу, на которую наступил пират. Крыса, извернувшись, вцепилась ему в голую ногу, а Роджер со всей силы ударил обезьяну в глаза двумя растопыренными пальцами, как били в грязных тавернах Лондона, где он заливал свою боль дешевым джином.

В ту же секунду чей-то кулак вмялся ему под дых, но, прежде чем скрутиться в приступе кашля и рвоты, он успел ударить ногой в пах второму, тому, что стоял прямо за обезьяной. Потом его били до тех пор, пока серебряная дудочка боцмана не вызвала эту смену тянуть канаты и убирать паруса.

Как ни странно, зубы его уцелели, и, валяясь в тухлой водице на дне трюма, он кончиками пальцев ощупывал сломанные ребра и дышал одним горлом, думая о том, что ему уже никогда не выпрямиться. Гнилое дерево в пять пальцев толщиной отделяло его от соленой смерти, по ногам его бегали крысы, норвя доползти до лица. Однажды кто-то потряс его за плечо, и хриплый голос спросил:

– Эй, парень, ты знаешь, чем компас отличается от склянок?

– Я даже знаю, в чем разница между секстантом и астролябией, – еле шевеля разбитыми губами, весело, как казалось ему, ответил он.

На самом деле штурман услышал лишь сиплый шепот, но он и так узнал все, что ему было нужно.

– Тогда вставай, лодырь. Пора приниматься за дело.

Шхуна Олонэ шла к берегам Новой Гвианы[10 - Новая Гвиана – Венесуэла.].

* * *

Кроуфорд с трудом разлепил уставшие глаза.

– ...Да, я бы сожрал сейчас даже крысу, – говорил Амбулен. – Поэтому в первую очередь займусь поисками жилья. Такая толпа, да еще и с обозом, никуда от нас не денется. А планы здесь моментально становятся достоянием публики. Я уверен, утром даже дети будут рассказывать, куда держат путь солдаты и какие именно сокровища поджидают их в горах Северного хребта...

Амбулен произнес название гор между прочим, но Кроуфорд с улыбкой посмотрел на врача.

– Не старайтесь, Амбулен! – сказал он. – Я не дам вам подсказки, пока мы все не окажемся на месте.

– А я вовсе не нуждаюсь ни в каких подсказках! – возразил француз. – Я сказал просто так. Все равно горы здесь велики, и никакая подсказка не поможет найти иголку в стоге сена.

– Это верно, – согласился Кроуфорд. – Поэтому и не будем отвлекаться. Мы направляемся в Гро-Шуан. Сначала вы, Амбулен, а потом и мы. А пока мы будем ждать вас вон там, в той пальмовой рощице, на восточном краю села. Признаться, я тоже перекусил бы горяченьким, хотя скажу вам, братцы, крысы вовсе не так вкусны, как кажется. Берите пример с нашего штурмана. Джон Ивлин являет нам пример истинного британца, нечувствительного к боли и усталости.

– Нет, господа, истинные британцы, так ж, как и все, нуждаются в отдыхе, – заявил капитан Ивлин, оправляя кафтан. – Готов согласиться даже с отсутствием ужина, но нам всем крайне необходимо просушить одежду и получить хотя бы пять часов здорового крепкого сна.

– Bravo! Великолепно сказано! – засмеялся Кроуфорд. – Да здравствует синергия и единомыслие! Думаю, фортуна сжалится над нами, ведь она любит настоящих джентльменов.

Пираты засмеялись в предвкушении еды и выпивки и с уважением посмотрели на своего Веселого Дика.

* * *

Тьма быстро накатывалась на равнину с гор. С ветвей посыпались тяжелые капли росы, печально закричала какая-то птица, ей ответил дружный рев обезьян. В полутьме очертания сделались расплывчатыми, уставшие люди то и дело сдерживали нервную зевоту и зябко поводили плечами. Харон, измазавшийся в жирной земле, похрюкивая, рылся в корнях кустов, охотясь за каким-то мелким зверьком. Расположившись прямо на земле, англичане ждали возвращения Амбулена. Но стройная фигура молодого француза возникла в сгущающихся сумерках неожиданно даже для Кроуфорда.

– За четыре реала и пистолет местный кузнец готов предоставить нам кров и ужин, – объявил Амбулен. – Он живет на самом краю селения, поэтому проблем у нас не будет. Дальше на площади мои соотечественники выставили посты – вооруженные солдаты наблюдают за порядком в деревне. Остальные разошлись по квартирам. Жаль, кузнец попался нелюбопытный, и мнение по поводу вооруженного отряда французов и голландцев иметь отказался.

– Надеюсь, он откажется от мнений и по нашему поводу, – ворчливо заметил Джон Ивлин.

– Но, как я и полагал, до утра вряд ли мы что-нибудь узнаем, – Амбулен пропустил замечание Ивлино мимо ушей. – Самое разумное сейчас – отправиться на ночлег.

– Вперед! – сказал Кроуфорд, медленно поднимаясь и потирая затекшие ноги. – А что вы подразумевали под скромным ужином, Амбулен?

– Свинину и пальмовое вино. Кузнец – человек холостой и не держит кухарку. Мне еле удалось уломать его, но четыре реала и оружие для него то же самое, что для нас – сокровища конкистадоров.

Отряд гуськом выступил к селению, настороженно вглядываясь в желтые огоньки окон и в пыльные прямые улицы. Даже издали было ясно, что в селении происходит что-то необычное. На центральной площади взад и вперед разгуливали люди с факелами. Хрипло брехали собаки. Никто не ложился спать. Видимо, такого количества гостей здесь не бывало уже очень давно.

Не доходя сотни ярдов до крайнего дома, Кроуфорд знаком приказал остановиться. Притаившись у сложенного из дикого камня забора, они принялись ждать. Шум и крики в селении постепенно стихали: незваные гости разбредались по чужим домам, принимались за еду, заваливались на устроенные на скорую руку постели.

Воображая эти завидные картины, Уильям только мрачно вздыхал. Он уже окончательно уверился, что Элейна осталась на фрегате, и в большой степени потерял интерес к встрече с ее отцом. Для решительного объяснения с этим негодным человеком ему требовалось не меньше сундука с золотом и бриллиантами, но все это лежало где-то далеко в горах Эспаньолы, среди колючих зарослей, острых скал и сырых облаков, лепящихся по склонам...

Незамеченными они подобрались к дому кузнеца и разместились под его крышей. Кузнец оказался немногословным и недоверчивым человеком, заросшим густой бородой. Правда, получив на руки четыре реала и заряженный пистолет с мешочком сырого пороха в придачу, он повеселел и проявил исключительное для себя радушие – выставил на стол оловянное блюдо с окороком, миску печеных бананов и выдолбленную тыкву с пальмовым вином. Вместо постели он принес со двора и швырнул на земляной пол охапку тростника, прикрыв ее парой пыльных циновок. Он ни слова не сказал против рыжей собачонки, которую Кроуфорд за столом не спускал с рук, только внимательно оглядел ее и что-то пробормотал себе под нос.

Путешественники тоже молчали. Кое-как поужинав бананами, они повалились на импровизированную постель – у всех буквально слипались глаза. Кузнец спрятал в тайник драгоценный пистолет и монеты, заботливо задул страшно коптящую масляную лампу и сам улегся спать в углу на кровати, сплетенной из неизменного бамбука и пальмовых листьев, предусмотрительно сунув кухонный нож себе под подушку.

Заснуть, правда, он смог не скоро: неслыханная удача, свалившаяся на него так внезапно, подогривала его алчность и кузнец думал о том, что утром, пожалуй, стоит попросить у щедрых постояльцев еще парочку пистолетов или несколько золотых – он отметил, что незнакомцы вооружены до зубов и очень не хотят огласки.

Гости же заснули мгновенно, а самым первым – Уильям, который будто провалился в черную бездну, откуда словно не было возврата.

Вдруг кузнец почувствовал, как кто-то осторожно касается его руки. Он схватился за нож и приготовился заорать, но мягкая ладонь аккуратно зажала ему рот, а на ухо прошептали:

– Тс-с-с, тихо, месье. Я не причиню вам вреда. Я лишь хочу кое о чем вас попросить...

И руки кузнеца коснулись прохладные металлические кружочки.

* * *

За полчаса до рассвета из объятий Морфея всех вырвал раздавшийся за окном грохот пистолетного выстрела. А потом где-то поблизости вдруг бухнула небольшая пушка, в темноте остро запахло кислым пороховым дымом, и вскоре уже началась настоящая перестрелка.

Глава 3

Цель оправдывает средства

Карибское море. Новая Гвиана. Ноябрь 1692 года

Звезды светили так ярко, что Дамиан был убежден: в случае нужды при подобном свете без труда можно читать молитвенник. Во всяком случае, он видел довольно отчетливо лица своих спутников, и песчаный берег, которым предстояло идти, и белую полосу прибоя, накатывающегося на песок, и призрачное мерцание на поверхности волн, и черный занавес тропического леса, подступающего к самому берегу.

Душная влажная жара, казалось, ничуть не убавилась и после захода солнца. К счастью, ветер с моря разогнал хотя бы всякий гнус, которого было неслыханное множество в чаще. Гнус, разъедающий кожу до гноящихся язв, ночные летающие твари, едва не задевающие лица кожаными холодными крыльями, крадущиеся тайными тропами хищники – если бы не проводник, если бы дерзнули они выйти в путь вдвоем, то путь этот окончиться мог большой бедой. Нет, конечно, на все воля Божья, и не зря, шагая сквозь ядовитые испарения джунглей, новоиспеченный коадьютор[11 - Духовный коадьютор – одна из иерархических ступеней Общества Иисуса. Это третья снизу ступень в Ордене. Ее занимают уже рукоположенные в священники члены Ордена, которые произнесли три монашеских обета, но еще не заслужили произнести четвертый обет верности Папе, не посвященные в профоса и не ставшие полноправными членами Общества.] Дамиан беспрестанно повторял молитвы, коих память его вмещала великое множество, – потому ночью и не было резонов обращаться к молитвеннику.

Господь вывел его к блаженному берегу, и теперь предстояло преодолеть еще с десяток миль в обход тропического леса, чтобы к утру настичь неутомимого отца Франциска, профоса Ордена иезуитов, утверждающего власть ключей святого Петра на берегах реки Ориноко.

Об отце Франциске Диасе Дамиан, как и положено, ничего не слышал до того самого момента, как генерал-визитатор и префект Антильских островов, прокуратор обители Сен-Пьере отец Жан де Ла Валлет не вызвал его к себе и не посвятил в детали ответственной миссии. Судя по тому скрытому уважению, которое сквозило в скупых словах префекта, отец Франциск являлся личностью необыкновенной, настоящим воином Христовым, вроде тех овечьих

легендарной славой героев, которые подняли меч и крест священных походов и дошли с ними до стен Иерусалима. Оттого духовный коадьютор Дамиан и преисполнился гордости за свою миссию, хотя на первый взгляд не было в ней ничего высокого, никакого подвига – всего-то отплыть с Мартиники к устью Ориноко. В ту страну, которая носит название Новая Гвиана, и отыскать там отца Франциска, второй год несущего слово Божье диким краснокожим племенам, этим злосчастным потомкам Хама[12 - Хам – младший из трех сыновей Ноя, посмеявшийся над отцом.], каждый из которых несет на себе проклятие Ноя и мало подобен образу Божьему, по которому, как известно, сотворен человек.

Это, действительно, была миссия, требующая безграничного терпения и самоотречения, – Дамиан понимал это сейчас особенно остро, совершив изнуряющий вояж по океану, вкусив прелести морской болезни, отведав заплесневелых сухарей и червивой солонины, испытав удобства судового галюна, вечной жажды от нехватки пресной воды и насладившись обществом крыс, шныряющих между ногами прямо по верхней палубе. Необходимость самоотречения подтвердилась и в полудиком селенье на побережье, где все хижины были выстроены из пальмовых жердей и крыты пальмовым листом, а по стенам и полу их бегали зеленые и коричневые тараканы величиной с добрую тарелку; где величайшем деликатесом считалось куриное мясо, а воду приходилось разбавлять ромом и особыми порошками, от которого та делалась или ядовито-розовой, или невыносимо горькой. Увидев впервые, как негры-невольники вытаскивают у себя из-под кожи, лениво наматывая на палочку, червей длиной в метр, и поглядев на мух, которые откладывали яйца прямо в кожу скота и белых людей, которых потом заживо сжирали жирные белые личинки, отец Дамиан затосковал и, наверное, в первый раз в жизни задумался о том, что есть бремя белого человека, бремя миссионера, несущего цивилизацию в те края, где об одной даже и не слыхали.

Он думал об этом непрерывно, отправившись вслед за проводником сквозь тонущие в зеленом мраке джунгли на поиски отца Франциска, который мог быть где угодно, который вообще мог раствориться без следа в этой непрестанно рождающей и жрущей пучине, которая почему-то называлась лесом, но была наверняка тем самым местом, которое легко может заменить собой пару кругов Дантова ада.

И близость дьявола здесь чувствовалась особенно остро. Эти бесконечные вопли в чаще, от которых мороз шел по коже, эта жара, от которой саднило горло и темнело в глазах, это ощущение ненависти к чужаку, которое, казалось,

исходило даже от кустов и деревьев, брызжущих и плюющихся в Дамиана зеленой кровью каждый раз, когда он неловко оступался и с хрустом ломал сочные волокнистые стебли. Дамиану всего-то и нужно было, отыскать отца Франциска, а тому приходилось ежедневно и еженощно сражаться здесь с дьяволом и его слугами уже много лет.

А слуг у дьявола здесь хватало. Во-первых, все эти дикари, красные, как вареные раки, от одного вида которых Дамиану становилось настолько не по себе, что он с утроенным рвением принимался читать про себя розарий и осенять все вокруг крестным знаменем. Но была у дьявола и паства еще худшая, занявшая форпосты на берегах Венесуэлы, пробавлявшаяся здесь торговлей рабами и жемчугом нидерландские лавочники, проклятые протестанты, предавшие истинную веру, вступившие в сговор с нечестивыми жидами и силами тьмы, обманом и силой умножающие несправедливые богатства, расползающиеся по земле, как зараза.

Чего стоил только тот факт, что голландские купцы додумались нанимать бежавших от преследований инквизиции ведьм для обеспечения успеха биржевых операций?!

Ведь сколько угодно можно было потешаться над суеверием старух и отцов-доминиканцев, лежа в дортуаре коллежа где-нибудь в Севилье или Мадриде, но совсем по-другому выглядели истории о черных мессах и колдунах здесь, в джунглях Южной Америки, где даже самые образованные европейцы шепотом рассказывали об охотниках за головами из тайного ордена ягуара или о белых, погибших страшной смертью от краснокожих шаманов.

Вот с кем не на жизнь, а на смерть бился здесь отец Франциск – и словом Божьим и разящей сталью. Насчет последнего Дамиан не был до конца уверен, но после всех страхов, что натерпелся он в здешних лесах, представить себе отца Франциска в образе сурового воина не составляло для него никакого труда.

Те истинные сыны католической Церкви, что обитали у побережья в убогих хижинах и промышляли торговлей, являлись как бы живым подтверждением подобной догадки. Вынужденное пренебрежение благами цивилизации, хорошими манерами и изысканной одеждой отнюдь не распространялось на употребление самого разнообразного оружия. Они шага не ступали без аркебузы или пистолета, порядочного запаса пороха, сабли и ножа в придачу. Маленький отряд, вышедший на поиски отца Франциска, был вооружен до зубов. Наиболее

беззащитен был как раз отец Дамиан, чей арсенал составлял лишь кинжал с резной кипарисовой ручкой в форме креста, не украшенный ни золотой насечкой, ни выгравированным девизом, – безликое оружие, взятое в дорогу человеком без лица. Было у него и еще кое-что, кроме кинжала, но это уже касалось только его самого, и никого больше. Флакон с ядом, который Дамиан должен был принять, попади он в руки врагов.

Прокуратор, посылая Дамиана в путешествие, доверил ему священную тайну, знать о которой не должна была ни одна душа. Дамиан и поклялся, что не узнает. Но прокуратор был печален и суров.

– Человек слаб, – тихо и твердо сказал он. – Изнемогает его плоть, и обманывает его разум. И я не на мученический подвиг тебя посылаю, твое дело – принести весть, и только. Если же попадешь в руки врага, то выпей, не раздумывая, яд, дабы не искушать судьбу, и Господь примет твою жертву и не оставит тебя своей милостью.

До сих пор Дамиану не приходилось искушать судьбу – все шло с Божьей помощью без заминок и без больших неприятностей. По заверениям спутников Дамиана, к утру они уже должны были найти лагерь отца Франциска. Мигель Портеро, который в этом проклятом Богом месте был кем-то вроде алькальда, сразу сказал:

– Отец Франциск о своих планах советуется только с Господом. Но иногда он посвящает и нас. На этот раз он собирался отправиться на восток. Там голландская община строит форт, и это не может никому понравиться, потому что если здесь будет голландский форт, а потом порт, если тут будут приставать голландские суда, то рано или поздно нас всех вытеснят отсюда.

– Слишком нас тут мало, отец Дамиан! – со вздохом подтвердил это заявление кривобокий силач-коротышка, которого все звали просто Хуаном. – Если бы не отец Франциск, который поднимает наш дух, даже и не знаю, что бы мы тут делали... Отчего король не хочет, чтобы эти берега перешли под славный флаг Испании? Отчего не пришлет сюда солдат и корабли?

– Помолчи, Хуан! – строго сказал ему на это Портеро. – Не наше дело указывать королям. Да и отцу Дамиану недосуг с тобой лясы точить. Наверное, не просто так плыл он за моря, как ты думаешь?

Дамиану и в самом деле не хотелось вступать в лишние разговоры. Одна из главных заповедей – слушай, а не говори. Даже в невинных словах может проскочить какой-то намек, какой-то важный секрет, а слово не воробей – вылетит, уже не поймаешь.

Впрочем, как только отряд ступил под полог девственного леса, так у спутников Дамиана пропала всякая охота разговаривать. Немного полегчало, когда вышли к песчаному побережью, но к этому времени все настолько устали, что даже для любопытства уже не было сил.

Шли по раскаленному струящемуся песку, думая каждый о своем. Мигель Портеро был не прочь устроить привал и перекусить чем бог послал. Поход через непроходимую гилею отнял много сил, и организм требовал подкрепления. Но отец Дамиан, который только вчера сошел с торгового галеона «Святая Тереза», торопился, и перечить ему не следовало, потому что послан он был самим генерал-визитатором Антильских островов, благодетелем, чья власть могла посоперничать с королевской. Это не означало, что такое значительное лицо, как генерал, лично ступал когда-либо на этот берег, но заботами своими он не оставлял общину ни на минуту: например, Мигель Портеро ощущал эту заботу сам, на собственной шкуре – особенно в том месте, где голова переходила в жилистую шею. Ведь если бы не вмешательство отца Жана, то давно бы болтался Мигель Портеро на виселице и пеньковый галстук до самых позвонков натер бы ему горло. Кривая судьба была у Мигеля Портеро, да и у всех прочих, кто обосновался с ним сейчас на Невольничьем Берегу, и каждому из этих отверженных созданий помог генерал-визитатор достопочтенный отец Жан.

Благодаря его ходатайству всем им была дарована жизнь и дана возможность искупить прошлые грехи перед Испанией под надзором отца Франциска, который, надо сказать, не давал никому покоя – и самому себе в том числе. Оттого и к появлению отца Дамиана все отнеслись довольно серьезно. Мигель Портеро был готов шагать без передышки хоть до полного изнеможения, лишь бы довести посланца до нужного места. И хотя было ему смертельно любопытно, ради чего проделал этот тщедушный иезуит такой непростой путь, даже заикаться об этом Мигель не рисковал. Немало и без того на нем было грехов, не успел замолить и десятой доли. «Пусть все идет как идет», – думал он про себя. Однажды Господь сам скажет ему, когда придет минута искупления и можно будет распрямиться и поднять голову. Господь даст знак – Мигель был уверен в этом. А пока он просто вел одного святого отца к другому святому отцу. До

места, где предположительно мог сейчас находиться отец Франциск, оставалось еще не менее двух часов пути.

Но встреча произошла немного раньше, сразу же на закате второго дня.

Зарево на востоке полыхнуло так, что, казалось, два солнца гаснут одновременно с двух сторон неба. Даже учитывая отчасти сатанинскую природу здешней земли, Дамиан не мог поверить, что видит заход сразу двух светил. Тем более что из-за деревьев, которые опять преградили им путь, донеслись вдруг приглушенные крики и шум выстрелов. Мигель Портеро остановился и жадно всмотрелся в желто-алое пламя, пляшущее над верхушками деревьев.

– А ведь пожар! – с каким-то радостно-недоверчивым выражением в голосе воскликнул он. – В той стороне горит, где голландцы форт строят. Услышал, значит, Всевышний наши молитвы!

– погоди! – Дамиан отодвинул его в сторону, словно вокруг не хватало места. – Что значит пожар? При чем тут пожар? Ты говори, отец Франциск где?!

– Я так полагаю, что отец Франциск непременно там и должен быть! – с радостной гордостью объявил Портеро. – На пожаре. Не смею рассуждать про замыслы такого великого человека, как отец Франциск, но для него форт этот был как оливковая косточка в горле – все это знали.

– Не хочешь же ты сказать, что отец Франциск поджег форт? – недоверчиво спросил Дамиан. – А гарнизон? А чертовы голландцы, прости меня, Господи?!

– С отцом Франциском двое наших было, – деловито сообщил Портеро. – Ну а кроме того... Есть у меня одна мысль насчет этого... Давайте вперед пройдем, святой отец! Только теперь нам с вами осторожнее быть нужно. Вы уж посередке ступайте, а мы с Хуаном вас защитим в случае чего...

– Господь – защита моя и прибежище мое, – подобающим образом высказался на это Дамиан. – Однако пойдемте. Это очень важно, что вы сказали. Если отец Франциск там, мы должны быть рядом с ним. А если там действительно идет бой, тем паче мы должны поспешить ему на помощь! Вперед!

Песчаная коса сворачивала вправо, но, чтобы попасть к пожару, путникам пришлось снова углубиться в мангровые заросли. Там, за деревьями, скрывалась природная бухта, которую стерег построенный голландцами форт – оплот торговли жемчугом и невольниками. Об этом поведал ему Дамиану Портеро, пока они пробирались через гилею.

– Людишек у них пока немного, – объяснял он на ходу, все более входя во вкус. – Дюжин пять всякого сброда и рота солдат. Заправляет всем Ван Золленгер, жирная свинья!.. Говорят, в Роттердаме у него с полдюжены доходных домов да несколько мельниц и маслобоен на окраине. Но ему все мало! Хочет здесь обосноваться – торговлю невольниками наладить. Дело выгодное... Только нашла у него тут коса на камень, – в голосе проводника слышалось нескрываемое злорадство. – Ну это мы сейчас проверим, правильно я думаю или нет... Только вы, падре, держите ухо востро, а если я скажу – сразу кидайтесь на землю да прикрывайте голову руками. Хоть в грязь, хоть в муравейник – все равно!

«Мнится мне, что они все здесь чего-то недоговаривают! – с неудовольствием подумал Дамиан. – Отец Жан меня об этом не предупредил. Может быть, так ему казалось разумнее, но ведь мне доверена важная информация... Неприятно, когда ты представления не имеешь о том, что вокруг известно всем. Ладно, потерпи, отец Дамиан, сейчас многое разъяснится...»

Сквозь пелену запахов преющей зелени и цветочных ароматов донесся удушающий смрад гари. Он вползал под кроны деревьев, саднил горло, от него слезились глаза. Горели не только стены форта – отец Дамиан явственно различил запах паленого мяса и пороха и на всякий случай осенил себя крестным знаменем. Спутники его жадно втягивали ноздрями знакомые ароматы войны, как будто даже повеселев и прибавив шагу. Кoadьютор уже едва за ними поспевал.

Лес внезапно закончился. В неверном свете надвигающегося вечера перед отцом Дамианом открылась поразительная картина. Перед ним раскинула лазурные воды небольшая бухта, охваченная в бархатное кольцо изумрудной зеленью и золотисто-белой лентой песка, на который заходящее солнце уже отбрасывало голубоватые тени. Там, где воды великой реки смешивались с океанской, клубился желтый песок. На границе гилеи и песчаной косы возвышался срубленный из твердого гваякумова дерева форт – несколько приземистых строений с покатыми крышами, напоминающих склады, которые

были окружены частоколом из заостренных стволов высохшего бамбука, вбитых макушками в песок. Форт горел.

Легкий пассат нес в глубь побережья черный смоляной дым. В двух кабельтовых на волнах лениво покачивался флейт, на клотике которого трепыхался флаг Голландских штатов, а матросы, стоя на ряях, спешно разворачивали паруса. Большая шлюпка, набитая людьми, изо всех сил летела к судну, едва не черпая воду бортами и поднимая веслами брызги. Ворота форта были распахнуты настежь, а одна из окованных железом створок со скрипом качалась туда-сюда, сорванная с петель то ли мощным ударом, то ли взрывом. Вокруг на песке до самой полосы прибоя валялись в разных позах десятки раненых и мертвецов. Еще дюжина человек сошлись в ближнем бою: они разбились на несколько групп и сражались с упорством людей, которым уже нечего терять. Дамиан с удивлением обнаружил, что, кроме европейцев, в схватке с большим энтузиазмом принимают участие темнокожие и почти нагие дикари – на выпады солдат, вооруженных саблями и пиками, они отвечали ударами каких-то суковатых дубинок и копий. Возможно, это примитивное оружие и не могло соперничать с закаленной сталью, но прямо на глазах отца Дамиана одна такая дубинка размозжила череп зазевавшемуся голландцу, который не позаботился защитить свою бедную голову стальным шлемом.

И все-таки натиск дикарей вряд ли увенчался бы победой, если бы ими не руководил белый человек в сверкающем в последних лучах солнца шлеме и стальной кирасе. Вращая саблей, он теснил к океану сразу троих голландских солдат, высекая искры из их надетых поверх курток из буйволиной кожи кирас. Солдаты отчаянно отбивались, но, казалось, человек в блестящем шлеме имеет сразу шесть пар рук, подобно тем индийским божкам, чьи бронзовые статуэтки красовались в библиотеке коллежа святого Игнатия. Он без труда отбивал выпады неприятеля и успевал сам наносить молниеносные удары. Отец Дамиан увидел, как одним неуловимым движением сабли он рассек бедро у одного солдата, срезал кисть руки другому и вонзил острие в глаз третьему. Кровь заливала песок, раненые вопили и выли от боли.

Над ухом Дамиана раздался торжествующий вопль Портеро:

– Слава падре Франциску! Слава Господу нашему Иисусу! Вперед, ребята! Поможем праведному делу! Навались!

В этом крике было столько лихого азарта, что даже отец Дамиан не выдержал – выхватил из-за пазухи свой кинжал и, путаясь в рясе, вприпрыжку помчался вслед за Мигелем и Хуаном, которые, обнажив кривые сабли, неслись на помощь человеку в шлеме.

Голландцы, брошенные своими товарищами, разом обернулись в их сторону. Хотя из зарослей на помощь врагам бежало всего три человека, для них это было новым ударом. Отступить было некуда: за спиной было море, впереди – пылающий форт и дикари, подбадриваемые испанцами. Полные отчаянной решимости, голландцы сплотились и удвоили сопротивление. Им удалось оттеснить к лесу с десятков озверелых дикарей, которые, потеряв нескольких соплеменников, завывали и заорали как черти и принялись потрясать копьями с бунчуками из пальмовых волокон и яростно размахивать своими утыканными острыми раковинами дубинками.

Отец Дамиан решил помочь дикарям и, размахивая кинжалом, резво побежал наперерез голландским солдатам, которые теснили дикарей к лесу. Ему даже в голову не пришло, что он практически безоружен, не умеет драться и ко всему прочему остался один, потому что Мигель Портеро и Хуан направились совсем в другую сторону, а именно туда, где сражался как паладин воин в кирасе и сверкающем шлеме.

Но Дамиана, сына воина и потомственного дворянина, подхватила и понесла стихия боя. Годы упражнений и умерщвления страстей пошли прахом. Опьяненный безумным порывом, он был уверен, что обратит противника в бегство одним своим видом, и бесстрашно мчался прямо на начавших уставать голландцев. Клубы едкого дыма неслись ему в лицо, рассыпаясь искрами и пеплом, подол подрясника путался в ногах, они утопали в песке, но, открыв рот, он, захлебываясь, кричал: «Ура!» Голландцы краем глаза заметили бегущего к ним падре, и в их взглядах мелькнуло удивление: зрелище было не из рядовых.

Но тут произошло что-то совершенно непредсказуемое. Полет берсерка был грубо прерван. Внезапно на него красным смерчем налетели размалеванные глиной дикари, сбили с ног, повалили на песок и с воплями и криками вырвали из рук кинжал – Бог милостив, хоть не огрели дубиной по темечку. «Но мне рассказывали, – думал Дамиан, валяясь на песке и ощущая тычки и уколы копий под ребра, – что краснокожие не убивали своих пленников, потому что... их обычно съедали!» Эта мысль не на шутку встревожила низвергнутого коадьютора, потому что индейцы, повалив его, обезоружив и едва не затоптав в

песок, принялись буквально сдирать с него одежду. Ужас от такой нелепой смерти сменился горькими сожалениями, что не сумел он выполнить доверенную ему важную миссию. Сопротивляться у него не было сил. Оставалось только молиться, но и помолиться не успел отец Дамиан. «Смерть без покаяния есть акт... – безнадежно мелькнуло в его голове напоследок. – Акт...»

В себя отец Дамиан пришел с трудом и не сразу осознал, на каком свете он находится. Вокруг все так же царили дым и смрад, сыпались искры и летел жирный пепел, а горячий воздух с трудом проникал в легкие, вызывая кашель. Примерно так Дамиан и представлял себе преисподнюю. Поблизости даже виднелись демоны – красные и отвратительные. Но над отцом Дамианом склонялся отнюдь не сатана, не дух лукавый, а светлолицый воин в сверкающих доспехах. «Архангел Михаил... – подумал Дамиан и тихо улыбнулся. – Отбили меня, значит, у бесов Небесные Ангелы. А я, глупец, еще в них не верил...»

У рыцаря было строгое узкое лицо, волевой нос с горбинкой, твердый подбородок с полоской бороды-эспаньолки, которую небесный воитель, судя по всему, тщательно подстригал. Усов у Архангела не было – возможно, потому, что верхняя губа его была изуродована давним сабельным ударом и неровный шрам придавал его рту несколько болезненное и саркастическое выражение, словно тот вся время то ли кривился в усмешке, то ли подергивался в отвращении. В синих ледяных глазах сверкало пламя. Это было лицо не духа, а воина, и отца Дамиана осенило.

– Отец Франциск! – пробормотал он, силясь подняться с песка. – Благословите... Для меня высокая честь... Прошу меня простить... Но... в силу некоторых обстоятельств...

Отведя в сторону правую руку с зажатым в ней мечом, отец Франциск протянул левую, в забрызганном кровью кожаном поруче, к Дамиану и, схватив его за грудки, одним рывком, без малейших усилий, поставил коадьютора на ноги.

– Вы поступили отважно, но неразумно, – звучным голосом произнес отец Франциск. – Мои новообращенные язычники приняли вас за врага, поскольку никогда раньше не видели. Возблагодарите Бога: Он отвел от вас смерть. Однако мы побеседуем с вами позже. Сейчас нужно завершить дело.

Он повернулся и, взмахнув рукой, зашагал к берегу, крича на ходу:

– Веселей, веселей, бездельники! Шевелись! Кати их к самой воде!

Отец Дамиан увидел, что все те же перемазанные голые индейцы, сверкая ягодицами, волокут по песку тяжеленные бомбарды, которые ранее являлись неотъемлемой и весомой принадлежностью крепости. Другие тащили на руках чугунные ядра. Они трудились как муравьи. Никакие голландцы им помешать уже не могли: как мог убедиться Дамиан, последние защитники разоренного форта были уже мертвы. Золотой песок пестрел пятнами быстро впитывавшейся крови.

Немногие уцелевшие голландцы уже поднялись со шлюпки на корабль. Отец Дамиан не думал, что пушки могут причинить им какой-нибудь вред, но отец Франциск придерживался, кажется, иного мнения. Уже три орудия с задранными в сторону флейта жерлами стояли у самой кромки прибоа. Около них подпрыгивал от нетерпения какой-то невысокий чернявый толстяк с зажженным фитилем в руках.

– Давай, Педро! – властно поднял руку отец Франциск. – Давай по очереди. Враг далеко, но Господь даст нам силы. Огонь!

Педро подскочил к первой бомбарде и поднес фитиль к запальному отверстию. Вспыхнул порох, тяжелая пушка охнула, выплюнула ядро и, окутавшись облаком дыма и пламени, опрокинулась с лафета на песок, едва не оторвав ногу зазевавшемуся индейцу. Снаряд с гулом пронесся над водой и упал в десяти ярдах от корабля.

– Огонь! – опять прокричал отец Франциск.

Ударили одна за другой еще две пушки. Ядра вылетели и унеслись в сторону корабля. Последнее из них задело брошенную шлюпку и разнесло ее в щепки. Увы, все пассажиры уже успели перебраться на борт флейта, который, наполнив ветром паруса, медленно выходил из бухты. Оттуда не последовало ни единого выстрела: голландцы спешили убраться с несчастливого берега. Должно быть, хорошую трепку задал им здесь отец Франциск со своими «новообращенными». Дамиан невольно хмыкнул. Теперь он догадался, на что по пути сюда постоянно намекал Мигель Портеро. Отец Франциск не терял здесь времени даром и,

обращая в христианскую веру дикарей, направлял их гнев против вероотступников-голландцев. Это было остроумно, хотя и дерзко. Дамиан никогда бы не решился на подобный шаг. Но поэтому он и был в Ордене пока всего лишь духовным коадьютором, а отец Франциск – профосом.

Задумавшись, Дамиан не заметил, как отец Франциск покинул импровизированную батарею и вернулся к нему.

– Теперь мы можем продолжить нашу беседу, – как ни в чем не бывало сказал он, пристально всматриваясь в лицо отца Дамиана. – Голландские собаки сумели унести ноги. Но это лишь временная отсрочка заслуженного наказания. Кара настигнет их всех до одного, можете мне поверить.

– В этом нет ни малейших сомнений, – убежденно ответил Дамиан. – Судя по тому что мне довелось увидеть, Господь выбрал себе надежное оружие.

– Надеюсь, это сказано искренне, потому что лести я не терплю, – хмурясь, заметил отец Франциск. – И в дальнейшем воздержитесь от подобных высказываний, если не хотите вызвать мое неудовольствие. Давайте говорить о деле. Насколько я понимаю, вы появились в наших краях неспроста. Мигель уже успел сказать, что вы разыскиваете меня. Вы знаете мое имя. Значит... Вас послал Орден?

– Да. Меня послал генерал-визитатор и префект Антильских островов отец Жан Ла Валлет. Меня зовут отец Дамиан, я духовный коадьютор. Дело касается только нас двоих, поэтому хорошо бы выбрать такое место...

Отец Франциск оглянулся. Его дикари с большим увлечением потрошили разбросанные по берегу трупы: стаскивали с убитых одежду и напяливали на себя прорванные, перемазанные кровью кафтаны и панталоны. В новом обличье они едва узнавали друг друга и покатывались со смеху.

– Они непосредственны, как дети, – заметил отец Франциск, покачивая головой. – Они и сейчас не ведают, что творят. Но мы их научим всему, что знаем сами. Как видите, отвращением к вероотступникам они уже прониклись... Однако вы хотите поговорить со мною с глазу на глаз... Пойдемте в форт. Думаю, там не осталось ни одной живой души.

Вдвоем они вошли через обугленные ворота в разоренный форт. Как ни странно, одного из строений огонь почти не коснулся: это было недостроенное прямоугольное здание с окнами-бойницами, без крыши. Полom в нем служил утрамбованный песок. Здесь тоже пахло гарью, но дыма почти не было. Солнце зашло, и вместо крыши над головами двух святых отцов нависало сейчас усыпанное звездами небо, да на стенах плясали отсветы пожара.

– Здесь нам никто не мешает, – сказал отец Франциск. – Только рассказывайте толком, последовательно. Я не терплю путаных излияний.

– Я буду стараться, – смиренно сказал Дамиан. – Благословите начать.

Отец Франциск кивнул и торопливо осенил Дамиана крестным знаменем.

– Итак, полтора месяца назад достопочтенный отец Жан, вызвав меня к себе, предупредил о сугубой секретности этого дела и продиктовал мне нижеследующий текст, с тем чтобы я донес его до вас, не перепутав и не изменив ни слова. Если в моем рассказе возникнет какая-то путаница, то это возможно только по той причине, что источник полученных сведений сам не всегда был точен в своем докладе. Я обладаю замечательной памятью, отец Франциск, и могу отвечать за свои слова.

– Отлично, – снова кивнул отец Франциск. – Я вас слушаю.

– В начале сентября этого года в Вест-Индию из Плимута отправился флейт под названием «Голова Медузы», – начал Дамиан. – Команда преимущественно состояла из англичан, но владельцем судна являлся известный меркант и коадьютор голландской Вест-Индской компании Давид Малатеста Абрабанель. На борту судна был груз обычных товаров, а его самого сопровождали его дочь девица Элейна, старший клерк Якоб Хансен и некий эсквайр восемнадцати лет от роду, имя которого Уильям Харт. По пути они подобрали в океане утопающего, назвавшегося дворянином Френсисом Кроуфордом. Был он привязан к обломку мачты и обречен на верную гибель. По его словам, на корабль, на котором он шел в Англию, напал пират Черный Билли, носящий также кощунственное прозвище Черный Пастор, он уничтожил всю команду, а Кроуфорда обрек на мучительную смерть. Произошло чудо, и обреченный остался жив. Вместе с пассажирами флейта он вернулся на Антильские острова и остановился на Барбадосе. Впоследствии выяснилось, что у Кроуфорда на

Барбадосе имеется собственный дом с прислугой. Но до поры он тщательно скрывал этот факт, как, впрочем, скрывал все, что касалось его персоны.

– А что не так с его персоной? – спросил отец Франциск.

– Как выяснилось позже, сей Кроуфорд является не кем иным, как квартирмейстером того самого негодяя Черного Пастора, и носит он мерзкое прозвище Веселый Дик, и за бортом оказался по той причине, что не поделили они с капитаном трофеи... Однако я продолжаю по порядку... На Барбадосе банкир Абрабанель занимался двумя делами: много общался с губернатором острова лордом Джексонем, уличенным в махинациях с голландской Вест-Индской компанией и взятках, и дожидался прибытия экспедиции своего согражданина Ван Дер Фельда, который возвращался на Карибы из этих мест.

– Да, я что-то слышал от индейцев про белых воинов, которые поднялись вверх по течению Ориноко. Но мне и в голову не могло прийти... Впрочем, неважно. И так?..

– Прежде чем они встретились, произошло весьма необычное событие. Абрабанель отправляет флейт в Плимут с большой партией серебра и доверяет этот ценный груз мальчишке Харту, которого едва знает. Но как только флейт выходит в море, на него нападает все тот же Черный Пастор и захватывает его. Не буду утомлять вас ненужными подробностями. На флейте не было серебра. На нем не было вообще никаких ценностей! Это был обман пайщиков компании. А с пиратами банкир явно договорился, разумеется не посвятив бандитов в секрет «драгоценного» груза. Таким образом, этот пройдоха одурачил разом всех: пайщиков, команду флейта, пиратов... Но и это было не главной его целью, ради которой он покинул Лондон. Его главная цель – сокровища индейцев, или конкистадоров, или, иначе, сокровища капитана Рэли – легенды называют их по-разному...

– Не объясняйте мне, как называют эти сокровища, – перебил его отец Франциск. – Мне это известно. Где и как Абрабанель собирался искать их?

– Он очень надеялся на результаты экспедиции своего друга Ван Дер Фельда. Тот побывал во многих краях и встречался со многими людьми. Судя по всему, ему удалось напасть на след этих сокровищ. Но всего лишь на след. Главное, что потом обнаружилось, – это карта.

– Какая карта? О какой карте вы говорите? Не станете же вы утверждать, что нашлась карта пресловутых сокровищ конкистадоров? – отец Франциск с недоверием посмотрел на коадьютора.

Дамиан ответил ему утвердительным взглядом.

– Именно так! Карта нашлась, – заявил он. – Так утверждает преданный нам человек, который был непосредственным участником событий. Собственно, весь рассказ – это его личное донесение генералу Ордена.

Падре выдержал испытующий взгляд отца Франциска и только чуть развел руками, как бы давая понять, что не может нести ответственность за чужие донесения, как бы нелепо они ни звучали.

Отец Франциск нахмурился, задумался и медленно опустил в ножны меч, забыв стереть с клинка засохшую пыль и кровь.

– Хорошо, продолжайте! – произнес он. – Но я никогда не слышал о том, что существует карта этих сокровищ. Если кто-то пытается ввести Орден в заблуждение, то это может обернуться для него крупными неприятностями. Будем надеяться, что этот некто не столь неразумен.

– То, что он доносит, похоже на правду, – заступился за далекого информатора отец Дамиан. – Правда, он так и не узнал, откуда взялась эта карта, но она была в руках Веселого Дика. Если помните, это квартирмейстер Черного Пастора, назвавшийся Фрэнсисом Кроуфордом...

– Я помню, – кивнул отец Франциск и закусил обезображенную губу. – Откуда у пирата карта? Вероятно, это фальшивка, которую можно приобрести в каждом порту.

– Возможно, но из-за этой карты разгорелась настоящая война, отец Франциск! – воскликнул Дамиан.

Почему-то ему очень хотелось, чтобы карта была настоящей. Ведь это обещало волнующие приключения и, возможно, даже продвижение в Ордена. Да и каким идиотом он бы выглядел, проделай он пару-другую тысяч миль по океану и едва

не расставшись с жизнью из-за какой-то нелепицы. Поэтому в речи Дамиана зазвучало желание быть убедительным.

– После того как Веселый Дик вторично попал в лапы Черного Пастора – теперь уже на «Голове Медузы», – произошли необыкновенные события. Во-первых, ему снова удалось ускользнуть живым и невредимым. Он подбил часть пиратской команды на бунт и ушел от Черного Пастора на захваченном флейте, который с этой минуты стал самостоятельным пиратским судном. Англичане Уильям Харт и капитан Джон Ивлин перешли на службу к Веселому Дику. Преданный нам человек также втерся в эту шайку. На «Медузе» они захватили испанский галеон под командованием дон Мигеля Диаса.

При этих словах отец Франциск вздрогнул и непроизвольно схватился за меч. Дамиан удивленно замолчал, но, как требовал устав, быстро опустил глаза долу, давая старшему по званию побороть волнение. Дамиан только что догадался, что не случайно дон Мигель носит ту же фамилию, что и профос.

– Продолжайте, – тихо сказал отец Франциск.

– При некоторых обстоятельствах ими был захвачен испанский галеон, на котором был один из наших братьев. Он-то и предал корабль в руки пиратов.

– Да как он посмел?! – не помня себя от гнева, отец Франциск схватил Дамиана за плечо. Но, справившись с собой, он тут же отдернул руку.

– Такова воля Ордена, – ответил Дамиан. Произнося эти слова, он вдруг ощутил, что его наполняет непонятная радость. Даже этот гордый миссионер, даже профос должен смириться перед единой и нерушимой волей Общества Иисуса. Воистину несть в нем ни эллина, ни иудея... А первый станет последним. Чувство торжествующей справедливости захлестнуло коадьютора, и он еще ниже опустил голову, скрывая невольную улыбку.

– Продолжайте, – еще тише сказал отец Франциск. Костяшки его пальцев, сжимавших рукоять меча, побледнели.

– После ограбления галеона Веселый Дик срубил на нем мачты и отпустил команду. Дон Мигель Диас целым и невредимым достиг Кубы, где и пребывает в ожидании весенней флотилии, – эти слова отец Дамиан добавил от себя,

снисходя к отцу Франциску. И в этом он почувствовал еще одну свою победу.

Отец Франциск внимательно взгляделся в лицо коадьютора. Он понял, что происходит сейчас в его душе, и на тонких губах его тенью мелькнула неуловимая усмешка, отчего породистое лицо на мгновение стало хищным и жестоким.

Отец Дамиан не заметил этой улыбки и не понял, что все его тайные переживания для профоса так же ясны, как «Patere Deum...»[13 - «Отче наш...» - начало главной христианской молитвы.]. Он не понял, что, оказав профосу услугу, нажил себе врага, потому что обнаружил его невольную слабость. Он не понял, что иногда гораздо выгоднее не оказать услуги своему патрону, чем унижить его, вынудив принять помощь от подчиненного. Он забыл, что гордыня - страсть обоюдоострая. Ничего не заметив, Дамиан продолжал:

- Сбыв трофеи на Мартинике, Веселый Дик совершил тайную вылазку на Барбадос, где, судя по всему, извлек из тайника карту сокровищ. Однако к этому времени о существовании карты уже знали или догадывались Абрабанель и еще одна женщина, которая прибыла на Барбадос на французском королевском фрегате «Черная стрела». Нашему брату ничего не удалось о ней узнать, предполагается лишь, что она шпионка Кольбера.

- Больше о ней ничего не известно? - неприятно удивился отец Франциск. - Но она знает про карту... Откуда?

- Неизвестно, - твердо ответил Дамиан. - Наш человек даже не видел ее лица и не знает ее имени. Единственная примета, которая фигурирует во всех разговорах, - зеленые глаза.

- Зеленые глаза?! Это что еще за дьявольщина?!

- Она брюнетка с зелеными глазами, - пояснил Дамиан. - По слухам, она необычайно красива.

- Несомненно, эта женщина - орудие дьявола или тех, чьими руками он загребает жар в этом мире, - высказался отец Франциск. - Так откуда она знает про карту?

– Нашему брату про это ничего не известно, – еще раз повторил Дамиан. – Но эта авантюристка пыталась отобрать карту у Веселого Дика на Барбадосе – там даже вышла небольшая история по этому поводу. А потом она все-таки завладела ею на Тортуге. Интрига прелюбопытная, право, нарочно не придумаете, – отец Дамиан позволил себе некоторую игривость в тоне.

– Жизнь полна импровизаций, сын мой. Иногда она готовит нам такие сюрпризы, что даже дьяволу они не по зубам. В нашем мире ложь всегда шагает рука об руку с правдой, и даже сахар горчит. Однако продолжай. Мы попытаемся отделить пшеницу от плевел.

– Веселый Дик привел «Медузу» на Тортугу. У судна была сломана мачта, и «Медузе» требовался ремонт. На Тортуге между разбойниками существует что-то вроде негласного договора: там они объявляют друг другу перемирие. Но это лишь по виду. Черный Пастор узнал, что его злейший враг находится на Тортуге, и немедленно отправился туда. Силы у него, безусловно, были превосходящие, и он без труда захватил Веселого Дика в плен. Тому опять грозила смерть, но он снова выкрутился! – в голосе Дамиана послышалось восхищение перед изворотливостью пирата. – Знаете, что он сделал? Он заплатил за свою жизнь картой! Он сам отдал Черному Пастору сокровища Рэли! Но Билли пришлось отпустить квартирмейстера. Веселый Дик сохранил себе жизнь и, взяв с собой верных людей, отбыл на Эспаньолу. Ведь согласно карте сокровища спрятаны именно на Эспаньоле...

– На Эспаньоле?! – в неподдельном изумлении воскликнул отец Франциск. – А что Рэли мог делать на Эспньоле? Бред какой-то... Рэли был здесь, в Гвиане. Но... Если это правда, то... А в какой части острова – французской или испанской?

– Увы! – склонил голову Дамиан. – Боюсь, это известно лишь одному Веселому Дику. Послушайте, что произошло дальше. Получив в свои руки заветную карту, Черный Пастор собирался отправиться на Эспаньолу, но тут его арестовали люди губернатора острова господина де Пуанси. Синьора с зелеными глазами каким-то образом заручилась поддержкой губернатора и, разведав, у кого находится карта, приняла все меры, чтобы ею завладеть. Черного Пастора засадили за решетку, а карта перекочевала на французский фрегат.

– Который также отправился на Эспаньолу, насколько я понимаю?

– Совершенно верно! Но не только он. Едва выйдя из тюрьмы, взбешенный Билли тоже ринулся на поиски сокровищ.

– И он? Все это весьма смахивает на фарс.

Отец Дамиан пожал плечами:

– Сеньор префект думает по-другому.

Отец Франциск хмыкнул и погладил свою ухоженную бородку.

– Так вот, теперь на Эспаньоле, судя по всему, столкнулись интересы четырех партий. Ведь в поисках принимает участие еще и Абрабанель, с которого все и началось. Неизвестно, с какой целью, но эта сеньора предоставила ему и нескольким его друзьям место на своем корабле. Возможно, ее интересуют его деньги.

– И что же дальше?

– На этот вопрос нет ответа, – торжественно объявил Дамиан. – Преданный Ордену человек успел передать зашифрованное послание иезуиту? священнику на Тортуге, но большего он сделать не мог, чтобы не раскрыть себя. Послание пришло на Мартинику через полторы недели. И меня сразу же направили к вам. Орден надеется, что вы немедленно отправитесь на Эспаньолу, где мы получим более свежую информацию.

– Я сделаю это, хотя разум мой протестует, – сказал отец Франциск. – Столько раз люди возбуждались слухами о сокровищах конкистадоров, и всегда это оказывалось нелепыми фантазиями. Но послушаться приказа, подписанного генералом Ордена, я не могу. Возможно, на этот раз все будет по-другому.

Отец Франциск задумался, подняв глаза к ночному небу.

– Корабль нас ждет? – спросил он наконец.

– Да, корабль бросил якорь напротив испанского селения, – подтвердил Дамиан. – Мне приказано без вас не возвращаться.

– Мы выходим немедленно! – решил отец Франциск и вдруг, протянув вперед руку, больно сжал локоть Дамиана и приложил палец к губам: – Тс-с!

Затем он, слегка пригнувшись, прошел вдоль стены, к чему-то прислушиваясь. Заинтригованный Дамиан двинулся следом. Вдруг отец Франциск нырнул в раскрытую дверь и выпрыгнул наружу, одновременно выхватив из ножен свой длинный меч. Дамиан ахнул и выскочил за ним.

От стены метнулся человек. Он был смертельно испуган, но шансов убежать у него не было: слишком он увлекся подслушиванием и упустил момент, когда можно было спокойно исчезнуть.

– Стой, скотина! – рявкнул отец Франциск. – Как ты посмел, сукин сын, подслушивать разговор двух особ священного звания? Разве ты не знал, что это двойной грех?

Дамиан с удивлением увидел, что перед ними, совершенно растерянный и насмерть перепуганный, стоит его недавний проводник Мигель Портеро. Он силился что-то сказать в свое оправдание, но у него ничего не получалось – уж слишком безжалостен был отец Франциск с мечом в руках.

А ведь еще минуту назад Мигель Портеро был уверен, что Господь наконец подал ему знак. Он подслушал разговор о сокровищах от первого до последнего слова с замирающим сердцем и переполняясь надеждой. Ему казалось, что без Божьего произволения ему и в голову бы не пришло пойти украдкой за уединившимися святыми отцами. Нет, это определенно был промысел Божий – Всевышний хотел, чтобы Портеро узнал о сокровищах и немного разбогател. Мигель еще не знал, как доберется до спрятанного на далеких островах богатства, но сейчас не это было главным. Главным был тот знак, что подавал Господь. И вдруг все пошло прахом.

– Тебе был дан шанс загладить вину, – мрачно сказал отец Франциск. – Но ты проявил непослушание и снова вступил на стезю порока. Ты дерзнул проникнуть в тайну, которая слишком велика для такого глупца, как ты. Но я властью, данной мне Орденом, отпускаю тебе все грехи, потому что думаю о твоей несчастной душе. Умри с миром!

И прежде чем Мигель успел что-то понять, лезвие меча вонзилось ему в грудь, с хрустом прошло ее насквозь, сокрушая грудину, и, подобно змеиному жалю, вернулось обратно, направляемое твердой рукой отца Франциска. Мигель Портеро пошатнулся, глаза его закатились, и, обливаясь кровью, он рухнул на усыпанный пеплом песок к ногам потрясенного Дамиана.

– Мы были не слишком осторожны, сын мой! – сказал отец Франциск, вытирая меч и вкладывая его в ножны. – Но с этой минуты больше ни слова о сокровищах! Вперед! Мы покидаем это разоренное гнездо. Надеюсь, у крыс, облюбовавших это место, нескоро появится желание вернуться обратно. Впрочем, Орден должен будет позаботиться, чтобы сюда послали достойного миссионера. До тех пор пока христианские короли не смогут обеспечить на этой земле достаточное количество войск, мы вынуждены полагаться на самих себя!

Он обошел мертвое тело и пошел к воротам. Индейцы, сбившись в кучу у кромки воды, похвалялись друг перед другом добычей. Трое испанцев с хмурыми лицами провожали взглядами тающий во мраке кормовой фонарь уходящего флейта.

Отец Франциск выкрикнул что-то на незнакомом Дамиану гортанном наречии, и все дикари отреагировали на этот окрик всеобщим паническим бегством. Пригибая головы, они ринулись всей толпой к лесу и в мгновение ока исчезли в его зеленой пучине.

– Эти создания удивительно послушны, когда знаешь, как с ними обращаться, – пояснил отец Франциск. – И если удастся разбудить в их душах искру Божью, то одним только словом возможно подвигнуть их на самые смелые и полезные поступки. Таким вот образом с помощью этого народа мы сегодня изгнали голландских крыс. Отряд караибов просто смел горстку этих подлых лавочников. Им повезло, что на этот раз их дожидался корабль.

– Меня больше интересует, как поведут себя ваши испанцы, – пробормотал, отводя глаза, Дамиан. – Что-то вид у них не слишком веселый. Надеюсь, у вас есть что им сказать, отец Франциск?

Тяжелый, полный неодобрения взгляд был ему ответом.

– Если вы об этом предателе, то говорить тут вообще не о чем. Он попытался проникнуть в тайну, за что и был наказан. Во все времена такие поступки караются смертью. Должен заметить, что здешние колонисты – люди с безупречной репутацией. Их жизнь безраздельно принадлежит Ордену, и они это понимают. Хотелось бы, чтобы и вы это поняли, отец Дамиан. Ведь наши с вами жизни также принадлежат Ордену, не так ли?

– Святая правда! – горячо отозвался Дамиан. – Об этом я не забываю ни на минуту.

– Аминь. Тогда не будем тратить время на схоластические упражнения, – скупой улыбнулся отец Франциск. – Забираем тех, кто остался, и пускаемся в обратный путь. Не пройдет и месяца, как побеги бамбука и лианы покроют пепелище и у нашего Ордена появится передохнуть. Жаль, что не всегда удается побудить сильных мира сего к решительным шагам, которые под силу только им. Ведь нам с вами приходится рассчитывать только на наши скромные силы.

– То, что я сегодня увидел, поразило меня, отец Франциск! – искренне сказал Дамиан. – Я и не предполагал, что в наше время существуют такие воины Христовы. Я счастлив, что судьба свела меня со столь необыкновенной личностью...

– Вы опять пытаетесь льстить, – заметил отец Франциск. – И будете за это наказаны. Знайте, что я намерен взять вас с собой.

– Как с собой? – не понял Дамиан. – Куда с собой?

– На Эспаньолу, – лаконично ответил отец Франциск. – И все, более ни слова об этом. Полагаю, что Орден меня поддержит, да и для вас это будет неоценимый опыт, поверьте.

Дамиан и в самом деле не мог вымолвить ни слова. Решение отца Франциска застало его врасплох. Дамиан понимал, что отказ невозможен: обет послушания и то, что он знал, лишали его выбора. Печальный пример легкомыслия в лице Мигеля Портеро стоял у него перед глазами. Он навсегда привязан к этой тайне. Из Ордена не выходят живыми. Подспудная мысль об этом тревожила Дамиана и раньше. Но тогда он гнал ее от себя, гордый тем доверием, которым облек его

Орден.

Отец Франциск зашагал в обратный путь, не оглядываясь и не окликая спутников. Дамиан с невольным восхищением посмотрел на его сильную и гибкую фигуру, на то, как легко он несет на себе стальные доспехи. «Столько дней и ночей в жарких лесах, – подумал он, – среди непредсказуемых дикарей и прощенных преступников, в противоборстве с еретиками и врагами нашего дела. И теперь, совершив подвиг, он так же спокойно идет обратно, будто просто вышел прогуляться по саду среди цветущих апельсиновых деревьев».

Он догнал отца Франциска и спросил:

– Нам предстоит трудное испытание, отец Франциск. О чем посоветуете подумать в первую очередь?

Отец Франциск покосился на него и сказал:

– О добродетели послушания, отец Дамиан, этой матери всех достоинств.

Глава 4

Крах Черного Билла

Тортуга. Эспаньола. Атлантический океан

Небольшая каперская шхуна «Ласточка» покидала главную гавань острова Тортуга с такой помпой, как будто она была военным фрегатом. Губернатор Жак Непвё де Пуанси, который накануне вынужден был посадить самого известного пирата Испанского Мэйна под замок, наутро скоренько сменил гнев на милость и освободил Черного Билли, отпустив его на все четыре стороны. Из-за ареста малость двинутого Пастора начала роптать не только его собственная команда, но и другие каперы по всему побережью Либерталии. Пираты, как известно, весьма законопослушны и не терпят нарушения тех законов, которые сами устанавливают, и кое-кто из Гильдии капитанов открыто высказался за то, чтобы

по-свойски разделаться с предателем де Пуанси, раз он не чтит Кодекс Берегового Братства.

Разумеется, де Пуанси служил королю, а не пиратам. Вчера он не смел послушаться приказа. Шпионка явилась к нему с предписанием от самого Кольбера и потребовала арестовать Черного Билли. Но знаменитый Пастор был популярен среди пиратов, к тому же имел французский каперский патент – одним словом, обижать понапрасну его не стоило... Поэтому папаша Жак вздохнул с облегчением, когда на рассвете «Черная стрела» покинула вверенную ему Тортугу, унося с собой зеленоглазую женщину вместе с ее предписанием. Губернатор велел выпустить Черного Билла и передать тому, чтобы он убирался подальше и в ближайшее время не показывался на Тортуге: на его подвиги, мол, сердиты в самом Версале.

Упоминание про Версаль произвело на Билли сильное впечатление. Как часто бывает с тщеславными людьми, Пастор сразу же поверил, что его черная борода испугала самого Людовика, и тут же невыносимо возгордился. Сперва он потребовал вернуть ему карту, которую у него отобрали, и, по обыкновению, пригрозил кровавой расправой. Но к его величайшему негодованию и ярости, тюремщик молча ткнул его между лопатками увесистым кулаком и посоветовал убраться подобру-поздорову, пока на городской площади не сколотили ему качели. А кто-то из караулки даже крикнул ему вслед, что шел бы он, пока, мол, ему эту карту французский капитан не приколот к заднице своей шпагой.

Несмотря на сведавшую его злобную досаду, Билли не утратил способность мыслить трезво. Он решил скорее двинуться в погоню, но тащиться на Эспаньолу, лежащую всего в десятке миль, на здоровенном фрегате не имело смысла. К тому же «Мечь» давно не килевалась, и ей явно не повредила бы замена такелажа. Черный Пастор, пользуясь тем, что благодаря несправедливому тюремному заключению невольно стал героем дня, быстро и выгодно зафрахтовал небольшую шхуну для перехода на Эспаньолу, в течение двух дней собрав команду и погрузив на нее все необходимое. Плавание было недолгим, зато приключение – опасным.

Но перед тем как пойти за сокровищами, ему захотелось если не проучить папашу Жака, то хотя бы хлопнуть дверью напоследок, и Билл разыграл на пристани целое представление. Тортуга давно не слышала такого обилия проклятий, угроз и библейских пророчеств в адрес губернатора и вверенного ему острова. Черный Билли обещал Черепахе скорую и ужасную гибель,

предрекая, что «зловонные пучины поглотят проклятый остров со всеми тварями, как четвероногими, так и двуногими». Сами по себе эти угрозы мало что значили, но толпа пиратов, девок и прочей швали, которую привлекло желание поглазеть на Билли и его новую шхуну, пришла в неистовство, намереваясь учинить несправедливому губернатору «ночь длинных ножей». Тогда Черный Билли, которому вовсе не хотелось ввязываться в очередную передрагу, как можно скорее поднял якоря. О нем тотчас забыли, тем более что в общей свалке кто-то пырнул ножом моряка-ирландца и кто-то совершенно точно видел убежавшего с места преступления грязного негра с ближайшей табачной плантации. Земляки убитого ринулись на поиски убийцы, за ними потянулись зеваки, и всеобщее недовольство совершенно естественным образом перекинулось на ни в чем не повинного плантатора, которому подожгли склады с тростником, вытоптали сад и разгромили винный погреб.

Тем временем «Ласточка» взяла курс на Эспаньолу. При всех своих причудах Черный Билли умел сделать верный ход. Вступать в бой с французским военным кораблем, имея на своем борту лишь половину команды и несколько старых пушек, ему совершенно не хотелось. Не говоря уже о том, что на стороне французов была профессиональная выучка. Да и вообще, во время морского боя враги могли затонуть, или у них мог бы взорваться пороховой погреб, или они могли бы просто назло Билли уничтожить бесценную карту.

Нет, Черный Билли решил действовать по-умному, избегая встречи с французами на море. Маленькая шхуна давала еще и то преимущество, что позволяла относительно незаметно высадиться на французскую часть Эспаньолы. Пастор не сомневался, что зеленоглазая красотка бросится на поиски сокровищ, не медля ни секунды. Нужно просто выследить ее и отобрать карту. Весь экипаж она с собой не потащит, а Билли приложит необходимые усилия, чтобы обезопасить себя. Он высадится со своими молодцами на побережье там же, где высадятся лягушатники, и пойдет за этой стервой по пятам. А «Ласточка» двинется дальше, чтобы дожидаться капитана у южного берега. Там, конечно, полно испанцев, но на побережье предостаточно небольших удобных бухт, в которых можно затаиться.

Разработав план, Черный Билли высадился во французской части Эспаньолы и сразу же включился в поиски если не сокровищ, то своих ближайших конкурентов. Он, впрочем, подозревал, что проклятый его квартирмейстер, которого он так непредусмотрительно оставил в живых, хотя и мог убить сто раз, вступил в сговор с французами и теперь тоже находится в их компании.

«Что ж, дай Боже, чтобы так оно и было, – размышлял Билли, стоя на капитанском мостике и обозревая проплывающие мимо зеленые берега Эспаньолы. – На этот раз, Веселый Дик, моя блудливая правая рука, пощады тебе не будет, хоть пообещай ты мне все сокровища мира. И на обманщицу-судьбу я больше полагаться не стану. Пеньковый галстук на шею – и на мачту! Приятно иметь дело с покойниками: они не грешат. Хотя, говорят, на Эспаньоле порой мертвецы встают из могил, и тогда от них можно ждать чего угодно. Рассказывали, некий плантатор вошел в сговор с одним бокором и тот нашел способ поставлять ему на плантацию работников – оживших мертвяков. Им не нужно было ни пищи, ни одежды, ни развлечений. День-деньской они только и делали, что трудились, а на ночь убирались в свои могилы. Но потом плантатор вдруг взял да и умер от болотной лихорадки. Родных у него не было, и все его имущество отошло к колдуну, который взял себе заодно душу старого хозяина да потом еще долго поднимал его из могилы и заставлял трудиться на собственной плантации. И еще болтают, что на этой плантации собирали самый крепкий табак... Хуже нет, чем не угодить черному колдуну. Но мы будем держаться от них подальше, и наши дела не будут их касаться. Хотя Джим Льягас утверждает, что с колдунами вуду хорошо водить дружбу. Ясное дело, ему всякая нечисть, должно быть, сродни: он же ублюдок и полукровка – наполовину индеец, наполовину негр – Черный Пастор хмыкнул при этой мысли. – Джимми хвалился, что с помощью такого колдуна отомстил своему бывшему хозяину и тот помер в страшных корчах. Пожалуй, стоит проделать такой трюк с Веселым Диком!.. Хотя... Нет, с этим стоит расправиться самому – так, чтобы все Испанское озеро всколыхнулось, узнав, каков в гневе Черный Билл! Но сперва нужно отыскать эту дрянную бабенку с картой...»

Французский фрегат они обнаружили без труда: тот стоял в удобной бухте северо-восточнее траверза Тортуги. Паруса на «Черной стреле» были убраны, якоря спущены, на палубе не было видно ни души. Никто не проявил интереса к идущей через пролив шхуне с французским флагом на клотике, под которым на всякий случай вышел в море Черный Пастор. Билл, в свою очередь, решил, что основные силы уже высадились на берег. Он прошел еще две-три мили вдоль берега и пришвартовался в небольшой, но удобной бухте, которую окружал пологий берег, заросший мангровыми деревьями и невысоким кустарником.

Характер береговой линии был важен для его замысла, потому что Черный Билл задумал прихватить с собой в дорогу пару легких пушек. Как-никак противостоять ему будет регулярная армия, и отношение к ней должно быть соответствующее.

От команды Пастор не скрывал своих целей. Он знал, что путешествие вглубь острова будет рискованным и заинтересовать в таком случае людей можно только обещанием щедрого барыша. Не скрывал Черный Билли и того, что искать им придется иголку в стоге сена, потому что карту у него похитили, а поиски иголки будут осложнены еще и тем, что стог сена охвачен пламенем и кому-то на этом огне придется поджариться.

Команда была согласна. Легенды о сокровищах испанских конкистадоров десятилетиями бередили умы береговых братьев, и никакие опасности не могли заставить людей отказаться от возможности найти их.

На берег сошло двадцать пять человек – половина команды. Каждый был вооружен абордажными саблями, пистолетами и ножами и нес с собой солидный запас пороха и свинца. Корабельный плотник поставил лафеты двух легких пушек на самодельные колеса. Впрячься в них пришлось самим пиратам: лошадей у Черного Билли, конечно, с собой не было – их рассчитывали купить или отобрать на острове.

Высадившись, они, двигаясь вглубь острова, пару дней проплутали по заросшим скалам, пока наконец не наткнулись на следы какого-то большого отряда, в котором, судя по навозу и отпечаткам копыт, было с дюжину лошадей.

Черный Билл отправил четверых ловких молодцев в разведку. Они вернулись, лишь когда начало смеркаться. Трое напрасно потратили силы, зато четвертый принес совершенно точные сведения: около пятидесяти французских солдат остановились на ночлег в селении Гро-Шуан, милях в шести-семи от побережья. В отряде находились капитан фрегата «Черная стрела» Ришери, две красотики и полдюжины голландцев со своим толстосумом. Отряд выставил часовых, а все остальные улеглись спать.

Услышав такое, Черный Билли повеселел и приказал за добрую весть выдать гонцу полпинты рома. Затем он немедленно приказал выступать в путь.

– Хорошенько шевелите ногами, маменькины сынки! Веселее, акуля требуха! – радостно орал он, размахивая руками. – Напрягите свои щупальца и побудьте мужчинами хотя бы пару часов! Зато уж, когда мы разделаемся с французами, закатим такой пир, какой и турецкому султану не снился!

Шумел он больше для души, потому что никто из пиратов и не собирался отлынивать от дела. Даже те члены команды, на чью долю выпало изображать волов в запряжке, находились в приподнятом настроении и были готовы тащить свою ношу не только за шесть миль, но и на край света. В таком воодушевлении отряд преодолел необходимое расстояние за три с половиной часа и прибыл в Гро-Шуан, когда уже давно перевалило за полночь. Селение спало, и вокруг царила тишина. Высланные вперед лазутчики обнаружили часовых, которым тут же предусмотрительно перерезали глотки, так что противник остался непредупрежденным.

Билл, предвкушая скорую и легкую победу, приказал подкатить пушки поближе к городской площади, а пиратам – готовиться к атаке. Ориентироваться следовало на самые добротные и большие дома – в них-то, скорее всего, и разместились на ночлег французы. Оба орудия грохнули почти одновременно, наполнив сонный поселок шумом взрывов, треском ломающихся досок, звоном стекла и криками ужаса. Одно ядро упало на крышу дома, где квартировал сам капитан Ришери, проломило черепицу и устроило небольшой пожар на чердаке, другое разнесло в щепки курятник, и оставшиеся в живых обитатели с громким кудахтаньем бросились врассыпную, попадая под ноги мечущимся спросонья людям и увеличивая панику.

Пока перезаряжались пушки, пираты открыли беспорядочную пальбу по окнам и стенам домов, а также по неясным теням, шарахающимся по улицам в безнадежных поисках убежища. В первые же минуты погибло не менее восьми солдат и четырех местных жителей. В двух зданиях на площади занялся пожар.

В это время Черный Билл, опьяненный легкой удачей, которая сама шла ему в руки, выхватил из-за пояса огромную абордажную саблю и, проревев: «На абордаж, ребята!», первым бросился врукопашную. Отряд с обнаженными клинками последовала его примеру. Однако, несмотря на суматоху и растерянность, капитану Ришери и войсковому сержанту удалось навести порядок и под флейту и барабан собрать войско. Схватка оказалась недолгой, но гораздо более кровавой, чем рассчитывал Черный Билл. Часть солдат организованно отступила, прикрывая обоз, лошадей и дочку Абрабанеля с тремя голландцами. Благодаря этому численный перевес оказался за береговыми братьями, что позволило им занять селение. Однако солдаты Ришери хоть и отступали, но за их спинами была единственная дорога, а дисциплина и выучка сделали свое дело. Им удалось вывести из строя около дюжины пиратов, перед тем как они рассеялись в лесу, и прикрыть обоз, который к тому времени был

уже достаточно далеко. Еще с полдюжины джентльменов удачи было ранено, что означало для Билла самую настоящую пиррову победу.

Сами жители Гро-Шуана имели кое-какой опыт по части стычек: было время, их трепали испанцы, пираты, шайки беглых рабов-негров и даже собственные земляки, которым, как водится, соседское добро слаще своего. Дорогой опыт выживания помог выработать самую выгодную тактику. Первейшим ее элементом было массовое отступление. Обитатели селения хватали детей, оружие и ценности и тайными тропами скрывались в непроходимых зарослях вдоль реки или рассеивались по плантациям сахарного тростника. Впрочем, в эту ночь некоторые горячие головы попытались вступить в схватку: прячась за каменными заборами и плетеными изгородями, они некоторое время отстреливались, нанеся дополнительный урон пиратам, но, почувствовав, что пахнет жареным, быстро исчезли с поля боя.

Черный Билл пришел в ярость, увидев, сколько бессмысленных жертв принесла короткая стычка с солдатами Ришери. Что касается остальных пиратов, то они, почувствовав, что противник дает слабинку и предпочитает отступить, совсем распоясались и начали громить все, что попадалось им на пути. Многие тут же забыли, из-за чего они, собственно, здесь, и принялись искать ром. Пираты запалили несколько зданий, с восторгом наблюдая, как сполохи огня вырывают из тьмы то валяющийся труп человека, то дохлую собаку, то разбитый сундук или развороченное тряпье.

Билл почувствовал, что теряет власть над своей командой и вместе с этим лишается какого бы то ни было шанса вернуть карту. Бабы нигде не было видно, и можно было догадаться, что как раз она-то и исчезла из разгромленного селения в числе первых. Это обстоятельство сильно подпортило ему и без того упавшее до нуля настроение. Собрав вокруг себя около дюжины более или менее вменяемых пиратов, он приказал им поймать хоть каких-нибудь из фермерских разбежавшихся лошадей. В тот же момент слышались какой-то топот, крики и смех, перемежающийся горестными стонами и воплями.

Билл обернулся, в сердцах намереваясь дать в зубы первому, кто подвернется ему под руку, и пред ним открылась картина, вполне достойная кисти батального живописца.

Пятеро перемазанных копотью и облепленных куриными перьями пиратов, озаренные пламенем пылающей конюшни, толкали перед собой нескольких

обмотанных веревками и простынями красных и злых мужиков, позади которых плелся, воздевая руки к небу, перепуганный толстяк, который и издавал эти самые вопли и стоны каждый раз, как кто-нибудь из молодцев Билла весело тыкал его саблей в бок.

– Разрази меня гром! – завопил в ответ на это Черный Билл, со злости втыкая саблю в землю. – Это что еще за вавилонское пленение? Вы видели что-нибудь подобное?! Эти недоноски, вместо того чтобы заняться делом, таскаются по курятникам и ловят каких-то никчемных засранцев!

– О благородный джентльмен, умоляю вашу милость отпустить меня и моих ни в чем не повинных спутников! – завопил коротышка в купеческом одеянии, как только завидел Черного Билла.

– А эти еще заявляют, что ни в чем не виноваты! – заорал Билл, переключаясь на пленников. От злости на собственную непредусмотрительность у Билла побагровела шея и начал трястись подбородок, отчего его знаменитая борода судорожно заколыхалась. – Я – Черный Пастор, отпускающий в этих краях грехи всем нечестивцам, какие только пожелают войти в Царство Божие, за всю свою жизнь ни разу не встретил НИ ОДНОГО невинного человека! Человек – это вообще сосуд греха и горшок с дерьмом! Только беспримерная гордыня позволяет вам святотатствовать, объявляя себя невинными! Но Бог противится гордым, и, поскольку Господу некогда заниматься всяким отребьем, вами займусь я, Черный Пастор! Грешников здесь хватает, и каждый из нас должен по мере сил помогать Господу наставлять заблудшие души на путь истинный, – Билл перевел дыхание и утер рот рукавом. Заметив, что его зрители явно заинтересованы исходом его проповеди, он почувствовал новый прилив вдохновения. – Я, например, – снова заорал он, выдергивая саблю из земли и тыча ею в грудь ближайшего пленника, – замечал, что, когда человек, прогулявшись по доске, отправляется за борт, его душа отправляется в небеса! Грешник падает в воду, отягченный страстями, но, пока идет ко дну, достигает совершенного бесстрастия, становясь невинным, как младенец. И тогда уже решительно все равно, гугенотом он был при жизни или верным чадом своей Церкви. Что вы скажете насчет такого символа веры, нечестивцы?

Рослые голландцы угрюмо молчали, понимая, что в теологическом диспуте им у Черного Билла не выиграть. Зато внезапно оживился пузатый коротышка, который, несмотря на свой вечный страх, никогда не лишался надежды договориться о чем угодно и уладить какое угодно недоразумение. Он сделал

таинственное лицо и украдкой поманил к себе предводителя пиратов.

– Могу я побеседовать с вами наедине? – спросил он.

– Что?! У меня нет секретов от своих товарищей! Если хочешь сказать последнее слово, то говори – у нас мало времени.

– И все-таки этот разговор должен быть между нами двоими, – с ласковой настойчивостью проговорил купец и схватил Билла за пуговку кафтана. – То, что я намерен вам сообщить, касается не совсем меня, а даже скорее вас, и мне не хотелось бы...

– Что-то больно мудрено ты поешь, – нахмурился пират. – Не воображай, что тебе удастся обвести меня вокруг пальца. Так и быть, я выслушаю твою байку, но потом ты все равно будешь болтаться на рее! Обыщите пока этих мокриц, ребята!

Черный Билли отошел с голландцем в сторону. Тот уже примеривался, как половчее прихватить пирата под локоток.

– Быстрее шевели языком, старый бочонок! – мрачно сказал Пастор. – Что ты хотел мне сказать?

– Мне хотелось бы заметить, что мы с вами в некотором роде партнеры, – коротышка сыпал словами, как горохом. – И вам не стоило бы пренебрегать моей дружбой. Меня зовут Давид Малатеста Абрабанель. Я очень богат и влиятелен.

– Это прекрасно, – желчно рявкнул Черный Билл, – но чем сейчас поможет тебе твое богатство?

– Я готов заплатить выкуп, – быстро сказал Абрабанель. – Любую сумму, в разумных пределах. С собой у меня денег нет, но я могу выписать вексель... – добавил он, придавая лицу трогательно-наивное выражение.

– Как повешу тебя вниз головой на рее, сразу найдутся твои денежки! – пообещал пират. – И не потребуется писать векселя. Ненавижу крюкотворов! Но почему это ты сказал, что мы с тобой партнеры? Ты занимаешься каперством?

– Вы помните флейт «Голова Медузы»? – спросил Абрабанель. – С грузом серебра? Конечно, вы помните! Ведь вы захватили его, верно? Так вот знайте, что про этот флейт и его груз вам рассказал мой поверенный. И выходит, что это я сделал вам этот подарок!

Черный Билли был не из тех людей, которых легко сбить с толку, но сейчас он просто опешил. Открыв рот, он недоверчиво уставился на коротышку-банкира, который, по мере того как овладевал вниманием пирата, все более обретал свою обычную самоуверенность и уже снова прихватил пуговку между пальчиками, которые, кстати сказать, были предусмотрительно освобождены хозяином от перстней еще накануне.

– Ну что вы так смотрите? – с легким укором сказал голландец. – Я подарил вам целое судно, а вам жалко отпустить меня на свободу. Вспоминайте же! На Тортугу прибыл мой поверенный Якоб, назвал дату, приблизительную широту...

– Послушай, гнусный растленный старикашка! – желчно перебил его Пастор. – Ты сам-то понимаешь, что изрыгают твои гнилые уста?! На том самом флейте, про который ты мне здесь плетешь, не было ни грамма серебра! На нем вообще ничего не было, кроме жирных корабельных крыс и тухлой соленой черепашины! И ты надеешься, что этот обман поможет тебе сохранить свою шкуру?

– Подождите! – опять обеспокоился Абрабанель. – Какой обман? В каком обмане вы меня упрекаете? На корабле не было серебра? Подумаешь, великое дело! На большей половине кораблей в Карибском море нет никакого серебра! А парусник, который вы получили?! Он же был просто великолепен! Само совершенство, украшение любой флотилии! Одна носовая фигура чего стоит, а медные планширы, а новехонький такелаж! У него же был штурвал! А много у вас было кораблей со штурвалом?! То-то! У него такая вместительность, что два рейса окупят любое серебро! Тоже мне – не нашли серебра! Зато вам подарили великолепное судно с вышколенной командой: прекрасные моряки, отважные люди, капитан – настоящий сквайр...

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент терпение у Черного Билла лопнуло. Он что есть силы размахнулся и рубанул саблей по молодым побегам пальмы. Сверкнула сталь, и срезанные ветки отлетели прочь на несколько футов. Но вошедшего в раж Абрабанеля было не так-то просто напугать.

– А как же наша сделка? – вскричал Абрабанель. Мы можем легко договориться! Всегда есть и другие вещи, которые могут заинтересовать приличного человека! Например, сокровища конкистадоров...

– Клянусь собственной бородой, еще одно слово и я отправлю тебя к праотцам! – рявкнул, не зная, как отделаться от предприимчивого банкира, бедный Билл. – Про сокровища ты вспомнил кстати, и, если бы не твоя болтовня, дрянной ты старикашка, я бы уже давно поймал эту треклятую стерву.

– Если бы! – печально вскричал Абрабанель. – Эта низкая женщина, шпионка Бурбонов, натянула нам с вами нос, уважаемый!

– Что такое?! – вытаращив красные от рома и дыма глаза, Билли уставился на банкира. – Да я сейчас вот этими руками так и вырву тебе твой поганый язык, жидовская ты собака! Ни одна юбка никогда не обманывала Черного Пастора!

– Я не спорю, – кротко сказал банкир, отряхивая свой кафтан. – Но вот эта по крайней мере попыталась. Чтоб вы только знали: когда началась стрельба, кстати, на мой взгляд, совершенно излишняя, наша дамочка прихватила свои вещички, вскочила на коня и ускакала. Я сам слышал стук копыт. И кстати... – он доверительно приблизился к пирату, – несколько позже я слышал, как отъехал обоз. Полагаю, с ним был капитан Ришери. Если бы я не видел в вас в высшей степени порядочного человека, я бы не дал за нашу жизнь и обрезанного луидора короля Генриха IV, изрядного, замечу, фальшивомонетчика, как рассказывал мне мой почтенный батюшка. Но я сразу понял, что мы с вами найдем общий язык и сумеем добраться до сокровищ раньше этих поганых французов, которые не в состоянии довести до конца ни одного дела. Подумайте только! Эта дама вообразила, будто она сумеет добраться до сокровищ, которые десятилетиями не давались в руки самым смелым и благородным мужчинам! Какое самомнение!

– Перестань морочить мне голову! – Черный Билл схватил Абрабанеля за беленький отложной воротничок. – Говори, собака, куда она поскакала? Где вы должны встретиться?

– Клянусь бородой Моисея! – ювелир возвел на пирата кристально честные, полные глубокой грусти глаза. – Она и не вспомнила о нас. Спасала свою шкуру! Сказать по правде, я вообще играл в этой ситуации несвойственную мне

позорную роль. Роковые обстоятельства вынудили меня исполнять при этой авантюристке роль бедной жертвы, из которой она, шантажируя меня, постоянно вымогала золото.

– Ага, значит, золото все-таки есть! – зловеще прошипел Черный Билл. – Тебе это нужно было сразу сказать, голландская ты крыса! А у твоих друзей тоже есть золото?

– У них его гораздо больше, – тут же ответил Абрабанель. – Клянусь, с меня вы не получите и десятой доли того, что они заработали, путешествуя по Новой Гвиане...

– Отлично! Вам повезло, что у меня совершенно нет на вас времени! – заявил Черный Билл. – Иначе вы все до одного уже болтались бы на рее... Нет, конечно, не на рее – я бы повесил вас вон на том большом дереве, но это не меняет дела. Однако пока я оставляю вам жизнь. Пошли!

Черный Билл обернулся к сидящим на корточках пиратам и заорал:

– Баба с картой сбежала, пока вы тут искали, чем бы промочить глотку! Где, дьявол вас побери, лошади, за которыми я вас посылал? По коням, дырявые лохани!

– Кстати, – он снова обернулся к Абрабанелю, – куда, говоришь, она поскакала?

– Вон туда! – и господин Абрабанель ткнул пальцем на юг.

* * *

Черный Билл ринулся на поиск тех, кто пошел искать лошадей. Поскольку он не оставил никаких указаний по поводу пленников, то оставшиеся без приказа пираты затосковали, видя, как их товарищи весело проводят время, потроша погреб и сундуки, пока они так бездарно просиживают штаны вокруг никчемных сухопутных сукиных детей. Они переглянулись, дружно вскочили и отправились в сторону самого большого дома, того самого, где остановился на постой капитан Ришери.

Голландцы, связанные по рукам и ногам, растерянно переглядывались. Они уже давно не могли понять, что происходит, и надеялись, что хоть какие-то разъяснения даст им Абрабанель. Но Абрабанель сам еще не решил, как ему себя вести и на что надеяться. Пока будущее оставалось туманным, Абрабанель не мог рисковать. Его товарищи были солидными и состоятельными людьми, имеющими миллион достоинств и заслуживающими всяческого уважения, но ради собственной жизни и благополучия дочери Абрабанель был готов пожертвовать и товарищами тоже. Разумеется, лишь в том случае, если бы эта жертва имела смысл.

Хуже всего обстояло дело с Ван Дер Фельдом: погибни он от рук пиратов и о выгодной сделке, каковой Абрабанель почитал будущее замужество своей дочери, можно было бы забыть. Такая перспектива выглядела крайне нежелательной.

– Сейчас я вас развяжу! – шепнул он Ван Дер Фельду, хотя, кроме голландцев, поблизости никого и не было. – Мы с вами почти родственники и в страшную минуту должны держаться друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Даже если роза отброшена, запах розы остается в руке (лат.).

2

Вахта – вид дежурства на кораблях военно-морского и торгового флота, которое несется постоянно при нахождении корабля в море на ходу, при стоянке на якоре или у стенки (причала, пирса) на швартовых.

3

Так на морском жаргоне называлось в старину Карибское море.

4

Перевод Г. Кружкова.

5

У. Шекспир. Буря.

6

«А ля руа» – по-королевски (франц.).

7

«Милосердие» – так в давние времена назывался кинжал, которым добивали проигравшего схватку противника.

8

Либерталия – так называли пиратскую вольницу на Карибских островах, жившую по своим законам – пиратскому кодексу – и презиравшую любую официальную власть.

9

Шкерт – тонкий и короткий отрезок, конец троса. Так на торговых и пиратских судах называли «прислугу за все» – неквалифицированных членов экипажа, которые зачастую в мужском обществе выполняли роль и уборщика, и посудомойки, и наложника. Сродни «опущенному» в современной тюремной иерархии.

10

Новая Гвиана – Венесуэла.

11

Духовный коадьютор – одна из иерархических ступеней Общества Иисуса. Это третья снизу ступень в Ордене. Ее занимают уже рукоположенные в священники члены Ордена, которые произнесли три монашеских обета, но еще не заслужили произнести четвертый обет верности Папе, не посвященные в профоса и не

ставшие полноправными членами Общества.

12

Хам – младший из трех сыновей Ноя, посмеявшийся над отцом.

13

«Отче наш...» – начало главной христианской молитвы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marvel_piter/shotka-mertvogo-kapitana

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)